

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

МИХАИЛ
АХМАНОВ

НЕДОСТАЮЩЕЕ
ЗВУЧНО

Михаил Ахманов
Недостающее звено
Серия «Ивар Тревельян», книга 3

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157835
Ахманов М. Меч над пропастью: фантастический роман: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18488-0*

Аннотация

Ивар Тревельян – прогрессор по специальности и авантюрист по духу – продолжает свою звездную одиссею. Ему уже давно полагалось бы быть в Пекле, а вернее на Пекле, планете с отвратительным климатом и не более привлекательным населением – людоедами-кочевниками, собирающимися пообедать землепашцами из-за гор, – и спасти местную недоразвитую цивилизацию. Однако неожиданная встреча в космосе и последовавшие за ней события нарушают все сроки и меняют планы. Теперь Ивару остается или погибнуть, не выбравшись из этой переделки, или стать героем. Второе – предпочтительнее и, что говорить, уже привычнее...

Содержание

Глава 1. В далеких мирах	4
Глава 2. Транспорт ГР-15/4044	11
Глава 3. Сильмарри	23
Глава 4. Мир близкий, мир далекий	34
Глава 5. Крушение	40
Глава 6. Воспоминания. Пекло	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил АХМАНОВ

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Глава 1. В далеких мирах

Эксперимент закончился неудачей – девятьсот сорок четвертый провал за восемь тысяч Оборотов планеты вокруг светила. Но с каждой новой попыткой техника совершенствовалась, и теперь в распоряжении Фарданта Седьмого были отпрыски-исполнители, способные к тончайшим операциям на клеточном ядре. Их зрительные органы могли различить мельчайшие гены в хромосомах, а световые резак, манипуляторы и инжекторы являлись точным орудием, позволявшим изымать и заменять любые элементы двойной молекулярной спирали.

Генетический материал, с которым работали отпрыски по заданной Фардантом Седьмым программе, был чрезвычайно древним, но сохранившим жизненную искру. Фардант не помнил, каким телесным тканям или органам принадлежали эти клетки, но данный факт значения не имел – клеточные структуры, обладавшие специализацией, извлеченные из кожи или мышц, из мозга, пищеварительного тракта, легких или крови, равным образом не подходили для воссоздания целостного организма. Для этого их требовалось вернуть в исходное состояние, когда оплодотворенное яйцо только начало делиться, и результаты данного процесса, две, четыре или восемь клеток, еще содержат полный генетический набор, сотни тысяч генов, определявших всю неповторимость, все особенности живого существа. На Земле такие клетки назывались стволовыми, но Фардант, используя древнюю терминологию своей расы, думал о них просто как о жизненной первооснове.

Он научился получать их три с лишним тысячи Оборотов назад, и все дальнейшее время было потрачено на опыты с зиготой, то есть с оплодотворенной яйцеклеткой. Даже для него контроль за ее развитием оказался очень сложен – после трех актов деления требовалось запустить хромосомный механизм, отвечавший за дифференциацию каждой клетки, за ее превращение в конкретный орган или ткань. В конечном счете это сводилось к пробуждению одних генов, блокировке других и борьбе с вредными мутациями – процесс, включавший гигантское число параметров, ровно столько, сколько единиц наследственности хранили хромосомы. При естественном развитии организма этим не пришлось бы заниматься, но ту искру жизни, что еще осталась в древних клетках, надо было поддерживать, раздувать и направлять. В противном случае в биологических чанах формировались уроды, не способные к движению, переработке пищи и даже к дыханию, не говоря уж о нервной деятельности высшего порядка.

Со временем Фардант Седьмой и его отпрыски-побегии справились почти со всеми этими задачами. Теперь их творения были превосходны: скелет с необходимыми мышцами, нужное число конечностей, обладавших парной симметрией, плотный кожный покров, внешние органы, источник ощущений, и внутренние, пригодные для утилизации питательных веществ и атмосферных газов, гормональной настройки и поддержания биохимического баланса. Эти существа могли не только шевелиться, питаться и дышать – они издавали звуки, реагируя на темноту и свет, тепло и холод, боль и пищу. Их нервная система была сконструирована должным образом, а мозг отвечал эталону, бережно хранившемуся в памяти Фарданта. Они казались во всем подобными древним его соплеменникам, тем, кто населял планету в давнюю, почти незапамятную эру и кто погиб в борьбе бессмертных. Поистине прекрасные создания! Только лишенные разума и не готовые к коммуникации с Фардантом.

Последние шестьсот шестьдесят Больших Оборотов он пытался внедрить в их мозг фрагменты своей мыслительной матрицы, но безуспешно – ни один экземпляр не обладал способностью к телепатической связи. Что его не удивляло: лишь разумным существам даровано ментальное общение, лишь разум, генерирующий мысли, умеет направить собеседнику ментальную волну. А раз такого не происходит, то, вероятно, где-то допущена ошибка. Несомненно, ошибка, которую следует найти! И Фардант Седьмой, порождая все новых и более умелых отпрысков, совершенствуя биологические чаны и световые скальпели, размышлял над этой проблемой в своем подземном убежище.

Шло время, которое он отсчитывал Малыми Оборотами планеты вокруг своей оси и Большими вокруг центральной звезды. Шло время, и ничего не менялось: тысячи глаз, принадлежащих его периферийным побегам, глядели в бездну Внешнего Мира, озирали небеса, то полные солнечного сияния, то черные, почти беззвездные; тысячи стражей и сокрушителей стояли на рубежах его владений, готовые отразить набег соперников; тысячи тысяч зеркал ловили излучения светила и превращали их в энергию, необходимую побегам; миллиарды крохотных тварей ползали в недрах земли и на ее поверхности, аккумулируя питательные вещества и элементы, в которых нуждался Фардант. Все они были им, а он был ими – огромное существо в зеленом оазисе, напоминавшем формой шестиконечную звезду. Время мало значило для него, ведь в запасе была вечность или, вернее, почти вечность, поскольку все когда-нибудь кончается, даже сама Вселенная. Но срок до ее грядущей гибели был таким гигантским, таким чудовищным, что тысяча Оборотов или миллион значили не более того мгновения, когда элементарная частица, врезавшись в мишень, рождает световую вспышку. Времени должно было хватить, и если Фардант Седьмой не справится с задачей, ее решит Восьмой или Девятый, Десятый или Сотый.

Если, конечно, он не погибнет до срока, уничтоженный Матаймой или Гнилым Побегом. Не исключалось, что гибель придет из-за моря, от Тер Абанты Кроры или Дазза Третьего, прилетит на воздушных кораблях с боевыми отпрысками-сокрушителями или прольется из туч ядовитым дождем. Маловероятно, но возможно, хотя Фардант полагал, что защищен не хуже своих соперников. Часть его сознания, распределенная в стратегический модуль, подсказывала, что шансы гибели невелики, так как занятый им ареал лежит далеко от океанов, в центре континента, и отделен от доменов Матаймы и Гнилого Побега горами, пустынями и защитной полосой.

Тем не менее перспектива смерти являлась реальностью. В игре, которую он вел с четырьмя бессмертными, ставки были высоки – контроль над всей планетой и последующее возвращение из темной холодной пустоты в другую галактическую область, богатую звездами и планетарными телами. В той ситуации зыбкого равновесия, что имела место между соперниками, любой внезапный ход, любая неожиданность могли покончить с их древним спором. Любой разум или разумы, способные действовать самостоятельно, имея при этом единую цель – ту, которую преследовал Фардант, – стали бы бесценными союзниками, залогом победы и возвращения. Возможно, они породили бы новых бессмертных, более терпимых друг к другу, чье коллективное сознание нашло бы способ справиться с Врагом.

Ибо, кроме соперников на планете, кроме Матаймы, Гнилого Побега, Тер Абанты Кроры и Дазза Третьего, был еще Великий Враг. Могущественный, страшный и неумолимый! Затаившийся среди звезд, что тлели в ночном небе далекими тусклыми огоньками.

* * *

Комплекс «Киннисон», одна из базовых станций ФРИК, находился на равном расстоянии и от Земли и от Луны и был ориентирован таким образом, что в хрустальной линзе потолка сияли обе ближние планеты: голубоватый шар Земли, затянутый кое-где облаками,

и ее серебряный спутник. На лунном диске виднелись зеленые пятна, зоны обитаемых кратеров, засаженных лесами, а Землю окружало кольцо заатмосферных поселений, обсерваторий и космических гаваней, что отправляли и принимали корабли. Кольцо сияло ярким светом и казалось новой галактикой, возникшей из небытия стремительно и внезапно, с поразительной быстротой. В этом не было преувеличения – что такое тысяча последних лет в масштабах Вселенной?

«Киннисон» являлся крупной станцией, включавшей все необходимые службы – от центра галактической связи и портовых терминалов до модуля реабилитации с его бассейнами, киберхирургами и криогенным блоком. ФРИК, Фонд Развития Инопланетных Культур, владел десятками подобных баз, разбросанных в Солнечной системе и у далеких миров, входивших в Земную Федерацию. Его эмиссары тайно или явно трудились на сотнях планет, не столь благополучных, как звездные колонии Земли, и населенных либо гуманоидами, либо существами, совсем не похожими на людей, но обладавшими разумом. Эти патронируемые миры были далеки от совершенства; невежество, переполнявшее их, порождало жестокость, робкие побег знания вытаптывались в кровопролитных войнах, сгорали в пожарах катастроф и эпидемий, Темные Века тянулись бесконечной чередой, складываясь в тысячелетия. Фонд пытался им помочь – не всегда своевременно и успешно, но поражения, провалы и ошибки, как и удачи, тоже являлись зерном бесценного опыта. Искусственный разум «Киннисона» и интеллекты прочих баз хранили его в своей бездонной памяти.

Две планеты, голубоватая и серебристая, сияли в прозрачном куполе потолка, неяркий ровный свет струился от акрадейтовых стен, заливая просторное помещение. Оно казалось пустоватым: круглый дубовый стол, несколько просторных кресел, стойки голопроекторов и древнее изваяние Тота, египетского бога мудрости, покровителя писцов; больше ничего. У стола сидели четыре человека.

– Тревельян согласился, – произнес Юи Сато, склонив темноволосую голову к плечу. Его хрупкая изящная фигура тонула в большом кресле. – Вообще-то ему положен отпуск, но он согласился. Щербаков его уговорил.

– Большой умелец этот Щербаков, – заметил Мохаммед Ортега. Он был басист, широкоплеч и кряжист, с мощной выпуклой грудью уроженца Тхара. У его губ поблескивала почти незаметная завеса фильтрующей маски – в земном воздухе, наполнявшем станцию, кислорода для Ортеги было многовато.

Сидевший рядом с ним Пьер Каралис, смуглый, длинноносый, худощавый, согласно кивнул.

– Умелец! Больше того, дипломат!

– Будущий консул, – усмехнулся Андрей Сокольский, прикрыв веками блеклые серые глаза. – Уйду на покой через пару лет и завещаю ему свое кресло. Надеюсь, никто не против?

Ортега буркнул что-то одобрителное, смуглый Каралис снова склонил голову, но по лицу Юи Сато скользнула тень неудовольствия.

– Не будем отвлекаться, коллеги, – проговорил он. – Сегодня у нас на повестке не выборы консула, а миссия Тревельяна и катастрофа на Пекле. Как вам известно, орда кочевников перевалила через горы.

Четверо сидевших за столом являлись консулами ФРИК, секцией консульского совета, состоявшего по традиции из дюжины членов. Сфера их ответственности распространялась на экзотические миры, большей частью населенные негуманоидами либо имевшие особенности географического, социального или иного характера. Понятие «экзотический» трактовалось в Фонде весьма широко, включая, например, Сайкат, аборигены которого пребывали в каменном веке, или Осиер, упорно не желавший выходить из средневековой стагнации. Пекло, знойная планета в системе двух солнц, с ее вулканами, пустынями, недостатком воды и воинственными обитателями, несомненно являлась неординарным миром, где жизнь и

разум балансировали на грани гибели. Нашествие северных варваров, каким-то чудом перебравшихся через непроходимый горный хребет, могло покончить как с первыми ростками цивилизации, так и с усилиями Фонда, пестовавшего эту скудную поросль на протяжении шести десятилетий. Проблема требовала решительных мер и присутствия опытного эмиссара, специалиста по экстремальным ситуациям – такого, как Ивар Тревельян.

– Где он сейчас? – спросил Ортега. Маска у его рта медленно колыхалась в такт дыханию.

– Отбыл с Сайкатской Исследовательской Станции на транспортном корабле ГР-15/4044. Транспорт доставил на Сайкат оборудование для группы Щербакова и движется дальше к Хаймору, а затем к Горькой Ягоде и Пеклу. – Юи Сато махнул рукой, свет в отсеке померк, и в лучах голопроекторов вспыхнула над столом карта окраины Галактики. – Как видите, самый оптимальный маршрут. Грузы на Хаймор и Горькую Ягоду будут сброшены на квадропланах, так что задержка составит сорок-пятьдесят часов, не больше. Три недели на весь перелет, и Тревельян окажется на Пекле.

– Последние прыжки – в Провале, – заметил Сокольский, разглядывая карту. – Область практически не посещаемая... Или я ошибаюсь?

– Думаю, не ошибаешься, – пробасил Ортега. – Лет девятьсот назад наши флотилии бились в Провале с фаата, но не в этой зоне, а повыше, за Тхаром и Рооном, в направлении галактического полюса. Там до сих пор кружат обломки их кораблей... – Он уставился на карту с темнеющей бездной Провала, что разделяла две ветви Галактики, Рукав Ориона и Рукав Персея. Провал казался трещиной в необозримом звездном поле, гигантским черным серпом шириною в четыре тысячи парсек. Курс корабля Тревельяна был показан алыми стежками. – Станция! – Ортега повысил голос. – Данные по завершающей части маршрута ГР-15/4044... В этом районе что-то есть? Блуждающие планетоиды, газовые облака, метеоритные рои?

– Только пустота, консул Ортега, – прозвучал мелодичный голос искусственного интеллекта «Киннисона». – Последние сто восемьдесят лет район не посещался, но до того предпринимались две картографические экспедиции Звездного Флота. Нужны подробности?

– Нет. – Покачав головой, Ортега бросил на Сато виноватый взгляд. – Не сочти за обиду, Юи, не думай, что я хочу тебя проверить... Просто любопытно. Эта зона неподалеку от Тхара, моей родины.

Юи Сато повел рукой, карта погасла, и стены засветились ярче.

– Пекло на границе Провала, и этот маршрут самый оптимальный, – спокойно продолжил он. – Если двигаться от сектора терукси или мимо Тхара, потеряем дней восемь-десять. Впрочем, курс еще не поздно изменить – транспорт вылетел с Сайката вчера и сделал первый прыжок к Хаймору. Судно недоступно для связи, но можно выслать сообщение в нашу миссию на Хайморе.

– Не будем усложнять, – сказал Каралис. – Маршрут представляется мне безопасным, да и не в маршруте дело. Что творится на Пекле и что мы порекомендуем Тревельяну – вот вопрос! Андрей, – он повернулся к Сокольскому, – там сейчас твоя группа. Где они? И что сообщают?

– Все в безопасности, на базе. Я велел покинуть Кьолл, торговые города и другие обитаемые земли севернее зоны пустынь, а на дальнем юге мы еще не работали, и наших людей там нет. Нет и информации о том, как кочевники перебрались через Поднебесный Хребет. Вот реконструкция этой территории... – Сокольский щелкнул пальцами, и над столом поднялись миниатюрные горы. Голографический пейзаж был живым – дымились и извергали лаву сотни полторы крохотных вулканов, ползли каменные и пылевые лавины, от западных и восточных морей двигались стада сизых облаков, по временам проливаясь дождями. – Варвары здесь, в предгорьях, – произнес Сокольский, и несколько южных ущелий окрасились в

серый цвет. – Переход был тяжелым, теперь они отдыхают и не тронутся с места, пока скакуны не наберутся сил. Еды у них хватает... забили несколько сотен раненых... – Гримаса отвращения скользнула по его лицу. – Я получил доклад Энджелы Престон с результатами воздушной разведки. Похоже, кочевники двинутся в Кьолл не раньше чем через месяц – рубят деревья, ладят телеги, жгут костры, пляшут под дождями, а скот отъедается в зарослях бамбуковых трав. Их поражает изобилие влаги и зелени.

– Значит, время у нас еще есть, – заметил Ортега и после паузы спросил: – Престон – координатор миссии?

– Да.

– Опытный работник?

– Смотря в какой области, Мохаммед. Она вулканолог и, как мне кажется, слегка растерялась. Члены ее группы – вулканологи, океанологи, планетологи, этнографы, специалисты по терраформированию и управлению погодой. Социоксенологов там нет, ибо, как нам казалось, главная проблема Пекла – климат. Недостаток воды и плодородных земель определяет структуру общества, связи и конфликты между племенами, религию, обычаи – словом, все от альфы до омеги. Пока не прорвались кочевники, Престон и ее группа трудились весьма успешно. Их основная задача – оберегать Кьолл и торговые города – решалась в геологическом и географическом планах: картография, развитие мореходства, поиск водных источников, стабилизация вулканической деятельности... С этим они превосходно справлялись.

– Сейчас нужны другой опыт и другие действия, – сказал Юи Сато.

– Разумеется. – Сокольский уставился в полированную крышку стола, побарабанил сухими пальцами и повторил: – Да, разумеется. С этим и связана моя просьба отправить на Пекло Тревельяна.

Минуто-другую царила тишина, затем Каралис спросил:

– Кто ведет северян? Серый Трубоч?

– Он, согласно данным воздушной разведки. Видели его бунчук, его палатку и личность знакомого облика – конечно, с поправкой на возраст. Ему сейчас года двадцать два по местному счету, пятьдесят четыре в земном измерении... Для Пекла это еще не старость.

– Тем он опаснее, Андрей. – Каралис поднялся и начал расхаживать от стены к стене, подпрыгивая на каждом шагу – тяготение на «Киннисоне» было меньше земного. – Я просмотрел материалы по Пеклу и выяснил, что мы работали только в районе Подножия Мира и прилегающих морей, считая, что там сосредоточены все центры цивилизации. У нас нет постоянных эмиссаров на севере, среди кочевников, на дальнем юге и на других материках, кроме Хиры. Считаю, что это ошибка! – Он резко повернулся и замер рядом со статуей Тота. Чем-то они были похожи – бог с головкой ибиса и длинноносый худощавый человек. – Если бы у нас был наблюдатель в кочевых племенах, мы могли бы эффективнее влиять на ситуацию... по крайней мере, мы оценили бы их ДПИ¹, и этот поход северян не стал бы неожиданным. Однако после высадки на Пекле и первого планетографического обзора возоблаго мнение, что Поднебесный Хребет непроходим, и, значит, Кьолл и его соседи защищены от варварских вторжений. Кто это придумал? Какая дурная голова? Станция, справку!

– Не надо, – сказал Сокольский, похлопав себя по макушке. – Вот эта дурная голова, коллега! Шестьдесят лет назад я и покойный Шенанди руководили экспедицией Марсианского университета – той, что нашла двойную систему Асура-Ракшаса и высадилась на Пекле. Шенанди был координатором, я – планетологом и первым его помощником... Насчет Хребта – моя идея. Но Хребет в самом деле непроходим. – Он устало откинулся в кресле и

¹ ДПИ (терминология ФРИК) – движущий пассионарный импульс, оценивающий способность определенного народа к расширению территории обитания, росту численности, массовой миграции, созданию эффективной системы законов, боеспособного войска и т.д. Изменяется в пределах от нуля до ста, причем за сто принят ДПИ монгольских племен в эпоху Чингисхана.

добавил: – Во всяком случае, с теми средствами, какие есть у кочевых племен длинноруких – рогатые скакуны, веревки, лестницы и собственные ноги.

Каралис пожал плечами.

– Но все же они это сделали. Войско Серого Трубача перешло горы.

– Оставим в покое свершившийся факт, – произнес Юи Сато. – Наша задача – подготовить рекомендации Тревельяну. Твои предложения, Пьер?

– А что мы, собственно, можем? Использовать устрашающие фантомы? Поставить инфразвуковой заслон? Перекрыть дорогу орде силовыми барьерами?

– Слишком заметные средства, – пробасил Ортега. – Полагаю, нужно действовать тоньше.

– Массовый гипноз? Но мы не успеем вывести на орбиту ментальный излучатель.

– Такое воздействие исключается, – сказал Юи Сато и повернулся к Ортеге. – Мохаммед, может быть, ты пояснишь, что понимается под словами «действовать тоньше»?

– Поясню, но сначала хотел бы выслушать мнение Андрея. В том, что касается Пекла, он наиболее компетентен.

Сокольский обвел взглядом коллег. Было заметно, что он пребывает в нерешительности – то ли его идея являлась слишком радикальной, то ли трудно осуществимой. Наконец он произнес:

– Можно предложить два варианта, пассивный и активный. В первом случае мы оставляем все как есть; орды Серого Трубача громят Кьолл и другие земли у Подножия Мира, уничтожают население, жгут города, рубят деревья, но, волей-неволей, приобщаются к местной культуре, сливаются с остатками автохтонов и, наконец, цивилизуются. Этот процесс растворения варваров в среде покоренных народов хорошо известен: готы в Римской империи, монголы в Индии, Персии, Китае, гиксосы и ливийцы в Египте. То же произойдет и с нашими длиннорукими. Со временем они избавятся от своих омерзительных привычек...

– Извини. – Каралис шагнул к столу и опустил в кресло. – Омерзительные привычки... Ты имеешь в виду каннибализм?

– Не только. Их религию, ритуалы поиска воды, убийства пленных, раненых, больных и стариков – все, вплоть до секса и способов казни. Однако не подлежит сомнению, что через век-другой конвергенции мы получим более цивилизованное общество – такое, которое способно воспринимать и разумно использовать наши этапы².

– Но это время мы потеряем, – возразил Каралис. – Столетие или два... возможно, больше...

– Потеряем не только время, но жизни тысяч и тысяч людей – тех, что обитают в предгорьях Хребта, в оазисах над Великой Пустыней и в приморских городах, – добавил Сокольский. – Все эти бароны и магистраты тоже не сахар, как и их подданные, но не хотелось бы, чтобы они попали в котел дикарей-каннибалов. Поэтому я за второй вариант, активный. Разумеется, без сильнодействующих средств вроде инфразвука или ментального облучения. – Он опять забарабанил пальцами по столу, разглядывая крохотный горный хребет, все еще висевший в воздухе. – Проникновение во властные структуры – вот универсальный метод корректировки исторических ошибок... Мессия, пророк, религиозный вождь, или серый кардинал за спиной владыки, или новый повелитель вместо почившего старого... Ну, эти сценарии вам знакомы не хуже, чем мне.

– Собственно, и я хотел предложить нечто подобное, – проговорил Ортега после паузы. Затем, вскинув взгляд к потолочной линзе, где сияли голубая планета и ее серебряный спут-

² Этап или ЭСТП (терминология ФРИК) – элемент социального и технологического прогресса, внедряемый эмиссарами Фонда в примитивное общество. Например, таким элементом может быть идея о шарообразности мира или одомашнивании животных, способ выплавки стали или селекция сельскохозяйственных культур, проект паровой машины или ткацкого станка.

ник, задумчиво добавил: – Старушка Земля предлагает нам массу различных рецептов... И что характерно: большая их часть опробована в те эпохи, когда не было силовых барьеров, ментальных излучателей, аннигиляторов и даже примитивных лазеров.

– Человек – вот самое грозное оружие, – сказал Юи Сато.

– Опытный и решительный человек, – уточнил Сокольский.

– Опытный и решительный!.. – эхом откликнулся Ортега.

– Скоро мне придется вас покинуть, коллеги, – произнес Каралис. – Вы знаете, что назначена встреча с парапримами, и в нашей делегации – той, что уйдет на «Гондване», – я представляю Фонд. Парапримов обнаружил Ивар Тревельян... Я многое слышал о нем, в том числе эту невероятную историю об Осиере и парапримах... Говорите, опытный и решительный? Надеюсь, он как раз таков.

По губам Юи Сато скользнула улыбка.

– Можешь не сомневаться, Пьер. Когда он окажется на Пекле, я не позавидую Серому Трубачу.

Глава 2. Транспорт ГР-15/4044

Транспорт был огромен. К основному модулю восьмисотметровой длины, снабженному контурным приводом и гравидвижками для орбитальных маневров, добавлялись баржи-контейнеровозы, танки с водой и сжиженными газами, решетчатые фермы с какими-то конструкциями, не боявшимися вакуума, и длинный хвост криогенных цистерн, в которых, в глубоком холоде и мертвой тишине, спал целый зоопарк, от червей, жуков и бабочек до попугаев, кенгуру и мастодонтов. Большая часть этого груза предназначалась для Горькой Ягоды, где не было ничего, ни нормальной атмосферы, ни питьевой воды, ни, разумеется, животных. Когда-то Тревельян там побывал, но возвращаться в этот унылый край ему хотелось не больше, чем на Пекло.

Может быть, давящее впечатление огромности усиливалось полным отсутствием экипажа, живых людей, их голосов и смеха, зычных приказов, перебранки, топота ног, плеска воды в бассейне и голоса третьего помощника, что объявляет учебную тревогу. Обычно Тревельян перемещался на рейсовых пассажирских лайнерах или кораблях Звездного Флота, где даже на небольшом корвете, не говоря уж о фрегатах и тяжелых крейсерах, имелось кое-какое общество, а главное – особы противоположного пола. Блондинки, брюнетки, шатенки, рыжие, с кудрями цвета весенней зелени или морской волны – все они были милы Ивару Тревельяну. Особенно в данный момент, когда он провел без малого месяц в обществе кни'лина на Сайкатской Исследовательской станции. Нрав у них был тяжелый, что подтверждалось трагическими событиями последних дней, но к тому же кни'лина, во многом подобные людям Земли, расстались с волосами еще в своем палеолите. Впрочем, народ этот был красив, и отсутствие у женщин пышных локонов не помешало бы Тревельяну завести роман, а то и два. Однако любовной истории не получилось, а вышел самый гнусный детектив, с кровопролитием, трупами и мрачными тайнами ³.

Вообще-то после недавних миссий на Осиере и Сайкате Тревельяну полагался отпуск. Он мог провести его на Гондване, Рооне, Сапфире или любой другой курортной планете, мог путешествовать для собственного удовольствия, слетать на Данвейт или Тинтах, полюбоваться древними замками лоона эо, отправиться в сектор гостеприимных терукси или пожить пару недель в шикарной гостинице над кольцами Сатурна. В любом из этих мест была возможность поразвлечься, всюду нашлись бы партнеры и партнерши для танцев и тенниса, древних карточных игр и романтических прогулок под луной, флирта, умных бесед, полетов на гравипланах и застолий, которыми Ивар, человек общительный, тоже не пренебрегал. Долг, однако, был превыше всей этой приятной суеты, и Щербаков, хитрый искуситель-змея, знал, как о нем напомнить. Появившись на Сайкатской станции в качестве нового координатора, выслушав отчет Тревельяна и сообщив о просьбе Юи Сато – просьбе, не приказе! – он ухитрился добавить то, что поразило разум, душу и сердце Ивара.

Стоя в рубке транспорта, под голографическими экранами с изображением звезд, он повторил слова Щербакова: «Серый Трубоч перешел горы». Это было серьезно, очень серьезно! Все, что сделал Фонд на Пекле, под угрозой, и потому не время отдыхать. Отложим Роон и Гондвану, думал Ивар, забудем про синее море, теплое солнце, игрища и светские беседы, карнавалы и прелестных дам. Отложим все эти чудные иллюзии на завтра и примем без споров и ропота веление судьбы. Пекло так Пекло! В конце концов, там будут не только жадные бароны Кьолла, лохматые купцы, век немытые туземки и людоеды-кочевники, но целая миссия Фонда, дюжина или больше человек! Мужчины и женщины, которые скоро

³ См. роман Михаила Ахманова «Далекий Сайкат» – вторую книгу о приключениях Ивара Тревельяна.

станут добрыми друзьями, настоящие люди, с которыми тоже можно поболтать и поиграть – в карты, теннис или бильярд, а кое с кем в иные игры...

Транспорт, управляемый компьютером и не нуждавшийся в экипаже, был, однако, приспособлен к перевозке живых и разумных существ. На палубе «А», самой верхней из шестнадцати, сразу за рубкой начинался широкий длинный коридор, украшенный голографическими пейзажами и портретами всех пассажиров, когда-либо ступавших на борт ГР-15/4044. По одну его сторону шли личные каюты числом шестьдесят или, возможно, семьдесят – внутреннее пространство корабля допускало разнообразные перемены и трансформации. С другой стороны, за стрельчатой аркой, располагались кают-компания, служившая также столовой и библиотекой, а за нею – овалный бассейн. Кают-компанию декорировали под залу старинного замка: огромный камин с огненными фантомами, стены и свод из грубо отесанных камней, массивная мебель из натурального дерева, яркие цветные витражи, гобелены с дамами, заточенными в башнях, и рыцарями, что сражают всяких чудищ и драконов. Это тяжеловесное убранство Ивару не нравилось. Он предпочел бы нечто легкое, воздушное, в восточном стиле, но решил ничего не менять – его путешествие было недолгим, а большой отсек с бассейном и спортивными снарядами, примыкавший к кают-компании, сулил гораздо больше развлечений. Здесь была круглая площадка для танцев, раздаточный буфет-автомат с любыми напитками и закусками, зона невесомости для любителей попрыгать и покувыркаться, уютные диванчики и кресла, спрятанные в нишах, под пологом зеленого плюща, игровая дека и копии великолепных статуй: Венера Медицейская, Артемида-охотница и прочее в том же духе. Их созерцание будило у Тревелияна возвышенные мысли о прекрасном, об эталоне женской красоты, непревзойденном даже в его эпоху биопластики и генетических метаморфоз.

Вероятно, транспорт был рассчитан на пребывание одиноких постояльцев, снedaемых скукой и тоской. Управлявший им компьютер не относился к устройствам с искусственным интеллектом – казалось, ни один предмет, кроме звездной навигации и забот о грузе, его не занимает. Но с портретами, собранными в коридоре, можно было пообщаться, выслушать их истории и рассказать свою. Эти изображения делались в то мгновение, когда человек ступал на борт, а их рассказы были тем интереснее, чем дольше длилось путешествие того или иного вояжера. Похоже, корабельный компьютер просто запоминал беседы, манеру поведения, привычки своих гостей, чтобы создать потом иллюзии их личностей. Разумеется, это требовало времени. Портрет самого Тревелияна, замыкавший картинную галерею, пока что был не слишком разговорчив, сообщая минимум сведений о своем прототипе: Ивар Тревелиян, социоксенолог и разведчик-наблюдатель Фонда Развития Инопланетных Культур, кавалер Почетной Медали, Венка Отваги и Обруча Славы, специалист по примитивным гуманоидным сообществам. После этого следовал его послужной список с примечанием о том, что он направляется с Сайката в мир Раваны, известный также как Пекло.

Портретов насчитывалось не менее трех сотен. Впрочем, не все оказались интересными собеседниками – видимо, полет их длился не дольше, чем у Тревелияна. Леон Деев, художник и творец иллюзий, Дмитрий Ши, отставной офицер, Обо Коиче, историк, специалист по кочевым народам – с этими было о чем потолковать. Но Ивар выбрал себе в наперсницы девушку с Ваала, из древней земной колонии, служившей долгое время базой для Звездного Флота. Девушку звали Анна Кей, и ее нежное светлое личико, белокурые локоны и тонкая изящная фигурка тронули его сердце. Она умела слушать, поощряя рассказчика легкой полуулыбкой, тенью скользившей по ее губам; иногда спрашивала что-то или бросала пару фраз, вполне уместных и заставлявших позабыть, что Тревелиян беседует с машиной. О ней самой он знал немного: ей было только девятнадцать, и в ее жизни еще не случилось ни каких-либо невзгод, ни особых радостей. Тридцать два года назад она отправилась

с Ваала на Данвейт вместе с группой экскурсантов, студентов Ваальского колледжа древней истории.

Впрочем, были у него и другие собеседники, кроме голографий прежних пассажиров. Как многие эмиссары Фонда, Тревельян странствовал на пару с Советником-призраком, личностью некогда реальной и снискавшей, благодаря своим заслугам, редкую награду:

увековечивание в памятном кристалле. Кристалл был крохотный, не больше гречишного зерна, но в нем хранились интеллект и память дальнего тревельянова предка Олафа Питера Карлоса Тревельяна-Красногорцева, десантника и командора Звездного Флота, погибшего пять веков назад. При жизни дед, как звал его Ивар, свершил немало подвигов, ибо выпало ему родиться в немирную эпоху: Войны Провала ⁴ и битвы с фаата еще не сделались достоянием истории, как вспыхнули новые конфликты, сначала с дроми, затем с хапторами и, наконец, с кни'лин ⁵. Командор Тревельян-Красногорцев воевал со многими звездными расами, неоднократно горел в своем корабле и замерзал в ледяной пустыне космоса, командовал десантами, был ранен восемь раз и женат четырежды – словом, накопил огромный опыт и стал героем. Умер он тоже как герой – пал смертью храбрых в возрасте девяноста двух лет, командуя крейсером «Паллада». Погиб он в том знаменитом сражении в секторе Бетельгейзе, когда три земных крейсера разгромили флотилию дроми, доказав агрессорам и всей Галактике, что среди звезд появилась новая, могучая, воинственная и хорошо вооруженная раса.

Обычно кристалл с личностью командора имплантировали Тревельяну в висок, но сейчас он хранился в наголовном обруче, как и другая личная аппаратура, устройства связи и видеозаписи. Ментальному общению с дедом это не мешало, и эмпатический контакт тоже был достаточно тесным: командор мог пользоваться слухом, зрением и обонянием Тревельяна.

Другой его спутник являлся искусственным интеллектом с Сайкатской станции. Это заатмосферное поселение строили кни'лина, и они же программировали управляющий станцией Мозг, но в данном проекте Фонд был равноправным партнером, возместившим часть расходов и затрат. Щербаков, координатор земной экспедиции, доставил мыслящее устройство, которое считалось более надежным – во всяком случае, так полагали в Консульате ФРИК. Со стороны кни'лина возражений не последовало; затем прежний Мозг был демонтирован и по личной просьбе отдан Тревельяну. Возможно, инопланетные коллеги желали избавиться от него или сочли, что этот дар станет возмещением за все опасности и тяготы, которые Ивар перенес, спасая Сайкатский проект и доброе имя кни'лина. Так ли, иначе, но Мозг попал к нему в руки, и это было ценное приобретение: его программный ресурс и справочные базы казались поистине неисчерпаемыми. Чтобы обеспечить своему приобретению мобильность, Тревельян загрузил его в корпус трафора, робота-трансформера, выпрошенного у Щербакова. Учитывая миссию на Пекле, разумный трафор был совсем не лишним в их компании.

⁴ Войны Провала – четыре войны с гуманоидами бино фаата, которые велись в двадцать втором – двадцать третьем веках; их название отражает тот факт, что битвы происходили в Провале, пустом пространстве, разделяющем два галактических Рукава: Рукав Ориона, где находится Земля, и Рукав Персея, в котором расположена звездная империя фаата. Точная хронология этих столкновений такова: // 2088 г. – вторжение корабля фаата в Солнечную систему и атака на Землю (закончилась уничтожением пришельцев); // 2125 г. – операция возмездия; земной флот атакует и захватывает три планеты (Тхар, Роон и Эзат), колонизированные фаата на границе Провала, в рукаве Ориона. Фаата изгнаны в рукав Персея, но в будущем они делают четыре попытки вернуться; // 2134–2152 гг. – Первая Война Провала; // 2164–2182 гг. – Вторая Война Провала; // 2201–2240 гг. – Третья Война Провала, самая долгая – также известна под названием Сорокалетней Войны; // 2253–2261 гг. – Четвертая Война Провала, в ходе которой бино фаата были окончательно разгромлены.

⁵ С дромами, негуманоидной расой, Земная Федерация сражалась в двадцать четвертом – двадцать пятом веках; в это же время происходили первые боевые столкновения с гуманоидами хапторами и кни'лина. Большая война с хапторами разгорелась в двадцать шестом столетии, а на рубеже двадцать седьмого – двадцать восьмого веков Земную Федерацию атаковали кни'лина (клан ни).

* * *

Корабли летают в Лимбе ⁶ быстро – в три прыжка они достигли Хаймора. К планетной орбите транспорт не приблизился, лег в дрейф у внешней границы системы, и за дело взялись похожие на пауков грузовые роботы. Они перетаскивали в шлюзовой отсек и набивали в квадропланы ящики с одеждой и продуктами, соками и винами, кристаллокнигами и почтой, подарками для туземцев и легкой складной мебелью. Груз был невелик, так как воды и воздуха, сырья и съедобной органики на Хайморе вполне хватало. Самым крупным предметом, попавшим в трюм квадроплана, являлся надувной плот двухсотметрового диаметра; к нему прилагались четыре катера, две небольшие подводные лодки и сборное бунгало. Новая база в океане, подумал Тревельян и, насладившись зрелищем, оставил шлюзовую.

Он побрел к лифтовой шахте, поднялся на жилую палубу, заглянул в рубку, где не имелось даже кресел для навигаторов и пилотов, а только единственное – для капитана. Хорошо хоть остались экраны, пригодные для человеческих глаз, и на них зеленоватым кружком сияло далекое солнце Хаймора. Обитаемая планета была не видна, и Тревельян распорядился поймать ее в телескопы и вывести изображение на самый большой монитор. Вздыхая, он поглядел на крохотную круглую монетку, вызвал список хайморской миссии, в которой оказалось больше сотни человек, поискал знакомых и обнаружил трех однокашников по Академии, приятеля-биолога с Селлы и девушку, с которой некогда крутил роман. Тут ему стало совсем тоскливо, и он отправился к Анне Кей.

– Мы в системе Хаймора, моя красавица, – сообщил Тревельян, остановившись перед ее портретом. – Дрейфуем в двух световых часах от местного светила.

Рядом с Анной располагалась хмурая дама в мундире экологической инспекции. Бросив на Ивара негодующий взгляд, она прошипела:

– Все к молоденькой ходишь? У молодых в голове пустота! Поговорил бы лучше с серьезным человеком!

Анна мило улыбнулась. По молчаливому согласию они игнорировали инспекторшу, хотя Тревельян подозревал, что ее грозные взгляды и шипенье имеют тот же источник, что и улыбки девушки.

– Ты тут бывал? – спросила Анна.

– Да. Довольно давно. Моя вторая миссия после Пекла. Сколько же мне стукнуло? – Он на секунду задумался. – Пожалуй, двадцать шесть.

– Солидный возраст!.. – протянула Анна.

– Это с твоей точки зрения. После стажировки на Пекле я получил сертификат разведчика, очень им гордился, но ничего не умел. Правда, контакт с хайморитами не требует больших умений... они ребята дружелюбные...

Глаза Анны округлились.

– Хаймор обитаем? О, как интересно! И кто же там живет?

– Теплокровные живородящие амфибии. Это водный мир, дорогая. Семь процентов тверди, а остальное – океан с глубинами до двух километров. На шельфе – подводные джунгли, кораллы, моллюски и рыбы неопишущей красоты. Только большей частью ядовитые.

Она вздохнула.

⁶ Лимб или Край, Окраина – область квантового шума, хаоса, который окружает Вселенную. Корабли, снабженные контурным приводом, перемещались бы в Лимбе практически мгновенно, если бы не сопротивление квантовой пены – хаотических флуктуаций субквантовых частиц, слагающих поле и вещество. При попытке совместить две точки пространства (сделать мгновенный прокол) квантовая пена играет роль противодействующего фактора.

– Хотелось бы на это поглядеть!

– Да, редкостное зрелище и очень освежающее. Как сказано в Книге Начала и Конца, способность дивиться чуду жизни питает корень человеческой души.

– Никогда не слышала о такой Книге.

– Это творение Йездана Сероокого, пророка кни'лина, их Коран и Библия... В общем, священный манускрипт, кладезь всяческой премудрости. Когда я учился в Академии, мне довелось с ним ознакомиться.

Они помолчали. Потом Анна спросила:

– Мы подойдем к планете?

– Нет, милая. Сейчас роботы грузят два квадроплана... деликатесы, почта, одежда и все такое... Они уйдут с минуты на минуту, а мы отправимся к Горькой Ягоде.

– Квадропланы? Что это, Ивар?

– Не знает! – каркнула инспектор. – Про Книгу не знает и про квадропланы! Я же сказала – головка-то пустая!

Это была всего лишь игра, способ скрасить одиночество. Машина – какой-то модуль бортового компьютера или автономный блок корабельной памяти – притворялась Анной Кей, суровой инспекторшей, историком Обо Коиче и всеми остальными персонажами, а Тревельян делал вид, что этому верит. Анна спрашивала, он отвечал, улыбался ей и косился с иронией в сторону соседнего портрета. Кажется, дама-инспектор ревновала; ей тоже хотелось с ним пофлиртовать.

– Квадроплан – грузовой планетарный бот, – пояснил Ивар. – Две трубы, соединенные крестом, четыре гравидвижка на концах, а в перекрестье – пассажирская кабина. На вид машина неуклюжая, зато устойчивая, может сесть и подняться даже в ураган. У нас на борту их десятка три.

– Никогда не видела, – сказала Анна. Фоном для ее портрета служили цветущие заросли жасмина. Там гулял ветерок, шевелил ветви с белыми цветами, развеивал светлые волосы девушки.

Палуба под ногами Тревельяна чуть заметно покачнулась.

– Первый пошел, – произнес он и вытянул руку к инспекторше. – Корабль, внешний обзор! На этот экран!

Строгая дама исчезла. Вместо ее изображения открылся вид на ближний космос: черная бархатная пустота с точками звезд, далекое солнце Хаймора и маневровые огни квадроплана. Аппарат, набирая скорость, быстро удалялся от корабля.

Пол снова дрогнул. Вторая машина, похожая на серебристый крест с утолщением в центре, выскользнула из шлюза.

– Вот и все, – сказал Тревельян. – Сейчас мы сойдем с орбиты, наберем скорость и прыгнем к Ягоде. Ну, это такое место, где лучше не задерживаться. Мрачная планета! – Он помахал Анне рукой и отступил на пару шагов от ее портрета. – Пойду поплаваю в бассейне. Жаль, что тебе нельзя окунуться.

– Жаль, – согласилась девушка. – Когда ты опять придешь?

– Скоро, – пообещал Ивар, – скоро.

Он направился в спортивный зал. Взгляды бывших пассажиров транспорта провожали его. Студенты, приятели Анны, офицеры Флота в синих с серебром мундирах, компания терукси в пестрых одеждах, коллега по Фонду (когда-то он добирался на Пта), люди из Исследовательского корпуса, несколько приятных загорелых женщин – эти возвращались домой с Гондваны... Сотни глаз, сотни лиц, сотни историй, длинных или совсем коротких... В будущем, думал Тревельян, какой-то скучающий странник подойдет к его изображению, заведет разговор и спросит: зачем ты летишь на Пекло, в эту чертову дыру? И услышит загадочный ответ: лечу, ибо Серый Трубоч перешел горы.

«Хорошая малышка, – раздался ментальный голос командора. – Скромная, но цену себе знает».

– Ты это о чем? – вслух поинтересовался Тревельян.

«О девушке, с которой ты беседовал. Из таких выходят прекрасные жены, парень. А тебе как раз пора остепениться».

– Во-первых, я еще не готов к такому решительному шагу, а во-вторых, где ее искать? Тридцать два года прошло, как она летела на этом корабле. Она теперь не юная девица, а зрелая женщина...

«Вот и отлично. Монике, второй моей супруге, было пятьдесят, когда мы встретились. Женщина в таком возрасте знает, чего хочет, и это, поверь, большое преимущество. Ей хотелось детей, и за три года она подарила мне троих. – Командор смолк, погрузившись в воспоминания, затем добавил: – Ты, кстати, производишь от Сергея, старшего сына Моника».

Ивар ухмыльнулся и поправил наголовный обруч.

– Помнится, ты утверждал, что моим прародителем является Павел, сын от первой жены.

«В самом деле? Ну, возможно, возможно... Бывает, что я путаюсь в своих потомках... семь сыновей, восемь дочерей, которых я видел лишь в перерывах между боевыми действиями... даже имена запомнить трудно».

Тревельян с неодобрением хмыкнул и перешагнул порог спортивного зала. Тут, за танцевальной площадкой, между статуями Артемиды-охотницы и Геры, матери богов, возвышался конус с зеркальной поверхностью, внушительная геометрическая фигура величиной с планетарный вездеход. Корпус трафора, содержащий Мозг с Сайкатской станции, мог, однако, принимать и другие формы и при нужде довольно резво перемещаться.

При виде Тревельяна робот выдвинул штангу с голосовым вокодером и пророкотал:

– Ррза тежи агхата, оррт тажи Хиндаг.

Звуки лающего гортанного языка кочевников разорвали тишину. То была поговорка северян, мудрость народа, странствующего по бескрайним засушливым равнинам: как бы далеко ни находился человек, он всегда близок к богу. Туземцы Пекла, как некогда земляне, говорили на множестве наречий, диалектов и жаргонов, и память Тревельяна, даже подстегнутая гипнотическим внушением, не могла вместить все изобилие местной лингвистики. Но для Мозга в этом не было проблем.

– Отличное произношение, – заметил Ивар, коснувшись гладкой поверхности конуса. – Продолжай в том же духе.

Затем он сбросил одежду и погрузился в бассейн. На Пекле такого удовольствия не будет, мелькнула мысль. Он перевернулся на спину и закрыл глаза. Пыльная равнина легла перед ним; раскинулись пустыни, покрытые щебнем и рыжим песком, встали бесплодные горы, за клубились шапки дыма над сотнями вулканов, потекли потоки лавы, и злые солнца, Асур и Ракшас, начали карабкаться в зенит, заливая землю нестерпимым жаром. Вздвогнув, Тревельян глубже погрузился в прохладную воду, словно она могла защитить от этих мрачных неприветливых картин. Командор зашевелился в его сознании, буркнул: «Та еще планетка! Что за гнусная дыра, прокляни меня Всевышний!» – и замолчал. Видно, других комментариев для Пекла у него не нашлось.

Поплавав с четверть часа, Ивар вылез, понежился в струях теплого искусственного ветерка, натянул комбинезон и решил поработать. Трех полетных недель было недостаточно, чтобы заняться чем-нибудь серьезным; все, что он планировал – освежить в памяти языки Пекла, проштудировать географическое описание планеты и разобраться с теми эстапами, которые Фонду удалось внедрить за два последних десятилетия.

– Ксенологический компедиум, раздел «Равана», – велел Тревельян, опустившись в кресло.

– Слушаюсь, эмиссар, – откликнулся Мозг, включая трансляцию. Прежде он звал Тревельяна «ньюри» (этот почетный титул использовали кнн'лина высшего сословия), но бортовой компьютер, приверженный земным обычаям, обращался к Ивару по должности. Вскоре Мозг сообразил, что с прежним титулованием покончено, и тоже перешел на «эмиссара». Цепи распознавания ситуаций были у него весьма чувствительны.

Тихо загудел голографический проектор, и в потемневшем куполе зала вспыхнули две звезды – красноватая, тусклая, висевшая на рукотворном небосклоне словно огромный, подернутый патиной медный щит, и ослепительная белая. На красную звезду можно было глядеть не щурясь, но лучи белой, хоть и совсем небольшой, острыми иглами кололи глаза. Тревельян прикрыл их ладонью. Светила отодвинулись в глубь темного пространства, мелькнули сфероиды ближних планет – безжизненных, раскаленных, лишенных воды и атмосферы; затем приблизился не такой горячий мир, где среди континентов цвета умбры и охры виднелись сине-зеленые пятна морей и прихотливый узор извилистых проливов. Как всегда бывает при спуске с космических высот, эта поверхность стала чашей, пересеченной горным хребтом; одни его пики пронзали знойное желтое небо, над другими клубились темные тучи и просвечивал багровый отблеск лавы.

При виде гор Тревельян недовольно сморщился.

– Убери пейзажи к дьяволу! Мне не нужна визуальная информация... как вспомню, так вздрогну... Текст давай!

– Как пожелаете, эмиссар.

Гигантский хребет исчез, и в воздухе неторопливо поплыли строчки символов, карты и таблицы.

«Пекло (Равана) – четвертая планета двойной звездной системы NG-0455/56881 (красный гигант Асур, белый карлик Ракшас, спектральные данные см. в Приложении 1). Находится вблизи Провала, в ста сорока четырех парсеках от Гаммы Молота (земные колонии Тхар и Роон), в направлении южного галактического полюса.

Общее описание: землеподобный мир, открытый экспедицией Сокольского-Шенанди в 2892 году (Марсианский университет). Светила, континенты и некоторые моря поименованы с использованием древнеиндийской мифологии (по инициативе Шенанди), но большая часть названий имеет туземное происхождение. Официальное обозначение «Равана» (демон-асур) вскоре было заменено на «Пекло» (как более соответствующее природным условиям планеты).

Суша разделена на пять обитаемых материков: самый крупный, центральный – Хира или Хираньякашипа (протяженность в широтном направлении 13 800 км, в меридиональном – 11 280 км) и более мелкие Вритра, Шамбара, Раху и Намучи (размеры от 4400 до 9550 км в поперечнике, более подробные данные см. в таблицах). С учетом многочисленных архипелагов и островов твердь занимает 63% планетарной поверхности, тогда как мировой океан представлен сравнительно небольшими внутренними морями, часть из которых соединяется проливами. Вследствие недостатка влаги и отсутствия постоянных рек планета весьма засушлива, климат жаркий, экваториальные зоны необитаемы (температура выше 60 градусов по Цельсию). За исключением редких оазисов местность имеет характер пустынь, полупустынь и степей. Отмечена активная вулканическая деятельность. Флора и фауна небогатые, почти все виды растений и животных окультурены (см. зоологический и ботанический перечни).

Планета населена гуманоидами нескольких рас (точное количество неизвестно), чей уровень развития соответствует раннему средневековью. Народы Кьолла (Народы Оазисов) занимаются земледелием, северные кочевые племена Хиры – скотоводством, кланы приморских городов – кораблестроением и торговлей, отдельные общины Вритры и Раху – выплавкой металлов (медь, олово, свинец, золото, серебро), кузнечным, гончарным и другими

ремеслами. Вследствие недостатка удобных для обитания земель и дефицита воды между племенами и народами постоянно возникают конфликты; население агрессивно, недоверчиво и недружелюбно. Языки – см. Приложение 2, «Лингвистический обзор». Религии – см. Приложение 3, «Мифология Пекла».

С 2901 года Пекло (Равана) включено в сектор влияния Земной Федерации. Находится под патронажем Фонда Развития Инопланетных Культур.

Период обращения планеты вокруг оси: 28,37 стандартного часа.

Период обращения планеты вокруг доминирующего светила (Асур): 748 суток.

Естественный спутник: Гандхарв.

Тяготение: 1,3 земного.

Атмосфера пригодна для дыхания вплоть до высот 7000 м».

– Пригодна местами, – мрачно заметил Тревельян. – Если вблизи нет вулканов, сернистых гейзеров, свежих лавовых полей или еще какой-то гадости.

Трафор испустил печальный звон.

– В воздушной среде, насыщенной парами серы и вулканическим пеплом, мой корпус будет подвержен коррозии. Нужно что-то предпринять, эмиссар.

– Ты за свою шкурку не переживай, – сказал Ивар. – Ты справочный агрегат и потому останешься на базе. Пик Шенанди, высота шестнадцать километров и самые стерильные условия. Там даже воздуха нет.

– Без воздуха человек не способен функционировать.

– Верная мысль. Поэтому нас там никто не тревожит, ни людоеды-кочевники, ни бароны-разбойники, ни хитрые торговцы. Вокруг снега и льды, холод и смерть, а под силовым колпаком сносная атмосфера, три домика, садик, тишина, покой... Жаль, что приходится спускаться! Внизу совсем не так приятно. Сказать по правде, планета омерзительная, и людишки там тоже не подарок.

– Не спускайтесь, – посоветовал Мозг. – Вы координатор миссии, и ваше дело – руководить.

Тревельян прикрыл глаза. Райские пейзажи Гондваны мелькнули перед ним – теплое синее море, пляжи с золотым песком, сочная зелень магнолий и пальм, хрустальные дворцы вдоль бесконечной набережной, смуглые девушки, танцующие на площадях, мягкие очертания гор, одетых лесами... Все это было так мирно, так прекрасно! Так непохоже на знойные пустыни Пекла, на скудные оазисы, жалкие посевы, нелепые замки и хищных обитателей этих твердынь!

Вздыхнув, он пробормотал:

– Координатор... Руководитель... Ха! Ко всякой бочке затычка, вот я кто!

На неошутимое мгновение палуба всколыхнулась под его ногами, мир разлетелся на мириады осколков, исчез и снова выплыл из темного мрачного небытия. Транспорт ГР-15/4044 сделал первый прыжок к системе Горькой Ягоды.

* * *

Солнце тут было щедрое – звезда класса G с заметным золотым оттенком, погорячей и поярче земного светила. Согласно видеофильмам, хранившимся в архиве ФРИК, восходы и закаты на Ягоде казались феерией света и красок – особенно над океанами, где золотистое и розовое сливалось с голубым и синим. Но теперь остатки атмосферы не позволяли наблюдать подобные зрелища, а от океанов остались только глубокие впадины в планетарной коре. В данный период своей геологической истории Горькая Ягода походила на Марс – такой, каким он был до заселения земными колонистами.

Однако существовали проекты терраформирования планеты, восстановления атмосферы, водной среды и плодородия почв с последующей реанимацией жизненных форм от бактерий, планктона и насекомых до высших животных. Над этим трудилась большая команда специалистов с Земли, и основные грузы, доставленные транспортом, предназначались для нее. Как и в системе Хаймора, корабль лег в дрейф в нескольких световых часах от солнца, из распахнутых шлюзов выплыла пятерка квадропланов, и роботы принялись расстыковывать баржи с оборудованием, танки и криогенные цистерны. Затем их собирали длинными цепочками, чтобы отбуксировать на орбиту Горькой Ягоды, и эта операция грозила затянуться на сутки. Ивар провел их в заботах и трудах, знакомясь с отчетами регулярно сменявшихся раванских миссий и размышляя, как диким северянам удалось прорваться в предгорья Поднебесного хребта. В отчетах говорилось о дюжине эстапов, благополучно внедренных в Кьолле и портовых городах, о том, что на смену бронзовому веку постепенно приходит железный, о мореходных экспедициях на дальний юг и новых торговых путях, частью морских, частью сухопутных, которые связали Вритру и Раху с Хирой, центральным континентом. Это были полезные сведения, дополнявшие опыт, полученный Иваром на Пекле двадцать лет назад, в период стажировки. Однако никаких гипотез о переходе через горы, совершенно неприступные для примитивных кочевых племен, у него не появилось. Может быть, люди Серого Трубача были не так примитивны, как полагали эксперты ФРИК?

Утомившись от бесплодных размышлений, он отправился к портрету Анны Кей.

– Вот и еще один этап позади, девочка. Мы добрались до Горькой Ягоды.

Она задумчиво сморщила лоб.

– Странное имя для планеты, Ивар. Это плохое место? Хуже, чем Равана, о которой ты рассказывал?

– Пожалуй. Но это имя связано не с планетой, а с тем, что когда-то здесь случилось. Для своих исконных обитателей Ягода вовсе не горчила, это для нас, пришельцев с Земли, она горька на вкус. Наше название, наша вина...

– Ты говоришь загадками. Почему?

– Я сотрудник Фонда, а у нас не любят обсуждать такие темы, хотя о Ягоде помнят. О Горькой Ягоде, Руинах, Рухнувшей Надежде... Помнят как об ошибках, что не должны повториться... Давным-давно, еще не зная о Пороге Киннисона, мы попытались прогрессировать эти миры, что кончилось печально – общепланетными войнами и катастрофами. – Ивар покачал головой. – Понимаешь, намерения были лучше некуда, технический ресурс огромен, усилия настойчивы и бескорыстны... все было, только не хватало ума и осторожности.

– Мне вспоминается древняя поговорка, – сказала Анна. – Благими намерениями вымощена дорога в ад.

– Вот именно, – согласился Тревельян и попросил: – Давай оставим эту тему, милая. Ты ведь изучаешь древнюю историю, так? Скажи мне, что ты будешь делать, когда закончишь колледж? Останешься на Ваале? Будешь преподавать, писать книги, ездить в экспедиции?

Она встряхнула светловолосой головкой.

– Вряд ли, Ивар, я останусь на Ваале. На Ваале, как и в других колониях, нет древней истории... Только в одном из миров это понятие имеет смысл – на Земле. Скорее всего, я полечу на Землю и займусь каким-нибудь древним таинственным народом. Ливийцами, или тангутами, или индейцами кечуа...

– Значит, теперь ты на Земле, – сказал Тревельян. – Восемь миллиардов населения, сотни мегаполисов, тысячи университетов... И где же тебя искать? Конечно, есть справочная служба, но вдруг ты уже не Анна Кей? Случается, что люди меняют имя...

Ее глаза потемнели.

– А ты хотел бы меня найти? Хотел бы снова встретиться со мной?

– Предположим, да.

– Я, наверное, изменилась... Ты ведь сейчас в нашем будущем, Ивар... Сколько лет прошло?

– Тридцать два. Ты по-прежнему красива и молода... Мы почти ровесники.

– Лстец! – Анна улыбнулась. – Думаю, если захочешь, ты меня найдешь – имя я менять не собираюсь. Если я буду изучать ливийцев, ищи меня в Триполи или Каире, а если тангутов – в Пекине или Хабаровске.

– А если займешься индейцами?

– Тогда в Ла-Пасе или Лиме.

– До скорой встречи, дорогая, – промолвил Тревельян. – Вот наведу порядок на Пекле и вместо Гондваны отправлюсь на Землю. Чего я на этой Гондване не видел? Пальм, песка да соленой воды? Так этого добра и на Земле хватает. Если, скажем, ты изучаешь ливийцев, мы с тобой съездим к морю Тассили. Я там еще не бывал, а говорят...

Мелодичный перезвон прервал его речи. Вслед за ним раздался голос бортового компьютера:

– Разгрузочная операция завершена, эмиссар. Судно следует далее согласно штатному расписанию.

– Покажи, что у нас еще осталось за хвостом, – распорядился Тревельян.

Анна исчезла, и в раме, что обрамляла ее портрет, появилась корабельная корма. Длинного шлейфа барж-контейнеровозов, решетчатых ферм и криогенных цистерн со спящим зоопарком там уже не оказалось, болтались лишь полдюжины емкостей с водой и сжиженной дыхательной смесью. Это был самый объемный груз, предназначенный для Пекла, для базы на горе Шенанди, что возносилась в стратосферу. Все остальное – почту, одежду, продукты и технику – хранили трюмы корабля, уже пустые на три четверти. Сравнительно с командой, трудившейся на Горькой Ягоде, раванская миссия была невелика.

Вернув на место портрет девушки, Тревельян послал ей воздушный поцелуй, распрощался и отправился к Мозгу. Следующий час он провел, беседуя с искусственным интеллектом на языке кочевников, полном рычаний и хрипов. Под конец у него разболелось горло.

* * *

Предполагалось, что транспорт выйдет к Пеклу от Горькой Ягоды за восемь прыжков. Большая часть маршрута пролегла в Провале, но, разумеется, не в его глубинах, а у границы ветви Ориона, где все же попадались звезды и блуждающие планетоиды. Не слишком часто – примерно один объект на двести кубических парсеков.

Провал тянулся гигантским изогнутым серпом между двумя Рукавами галактической спирали, ветвью Ориона и ветвью Персея. Его ширина составляла тринадцать тысяч триста световых лет, и пока ни один корабль землян, кнй'лина, дроми или хапторов не перебрался на другую сторону этого потока тьмы. Но с контурным приводом он несомненно был преодолим – ведь бино фаата, технологическая раса гуманоидов, сумели его пересечь на своих огромных звездолетах. Они свершали это много раз, атаковали Землю, потом ее колонии на рубежах Провала, но в этих войнах удача им не улыбнулась. Битвы, однако, были кровавыми и упорными, потери – чудовищными, и разгром фаата не мог воскресить миллионы погибших. Прошло уже семь столетий, как они исчезли, но память об их нашествии еще не подернулась пеплом забвения, а само имя фаата вызывало ненависть и страх. Возможно, по этой причине опасались летать в другой Рукав, а к тому же в собственной ветви хватало многолетних споров и конфликтов, сопровождавших рост и упадок звездных империй.

Но, если не считать фаата, таившихся за Провалом, эта область была удобной для навигации. В отсутствие тяготеющих масс прыжки через Лимб могли достигать десятка парсеков,

что вдвое-втрое сокращало полетное время. Стартовать от Горькой Ягоды, выйти в Провал, преодолеть большое расстояние, затем нырнуть к двойной системе Асура и Ракшаса... Этот маршрут был оптимален по всем параметрам, кроме одного: вид Провала, пересекавшего черной лентой звездные россыпи, неизбежно нагонял тоску. Правда, имелась альтернатива – сидеть на жилой палубе и не заглядывать в отсек управления. Тревельян так и делал.

После третьего прыжка корабль двигался в Провале, в двух парсеках от его границы. Конечно, этот рубеж был условностью и существовал лишь на звездных картах; если сравнить два парсека с шириной черной пропасти, вопрос о том, где находился транспорт ГР-15/4044, на границе или внутри Провала, выглядел полной бессмыслицей. Но навигация, как и другие области знаний, строилась на моделях, и Звездный Атлас с координатами светил являлся самой точной галактической моделью. Во всяком случае, по мнению бортового компьютера; если он утверждал, что корабль в Провале, с этим не приходилось спорить.

Изучив вдоль и поперек отчеты раванских миссий и зафиксировав самое важное в памяти, Тревельян практиковался в местных языках. Из всего многообразия диалектов и наречий, имевшихся на Пекле, он выбрал три, знакомые ему по первой экспедиции: шас-га – язык кочевников, язык Кьолла и торговый жаргон, на котором общались в приморских городах. Он их, в принципе, знал, но верное произношение требовало хороших вокальных данных, крепкой глотки и усиленного тренинга. Наконец его горло стало справляться с рычанием и воем, хрипом и скрежетом, и он решил перевести на шас-га какой-нибудь героический эпос, песнь о Роланде или повесть о Ланселоте Озерном. Помнилось ему, что кочевники ценят устное творчество, так что подходящий рассказ мог спасти от вертела и котла – по крайней мере, на время.

Он как раз трудился над переводом, то декламируя отрывки вслух, то заставляя Мозг откорректировать семантику, когда завершал сигнал тревоги. Это случилось так внезапно, что Ивар подскочил и опрокинул кресло. Но сигналы звучали недолгое время и казались не похожими на вой сирены в миг опасности – видно, натягивать скафандр или бежать к спасательным ботам не было нужды.

– Получена просьба об экстренной помощи, – раздался голос бортового компьютера. – Меняю курс. Ваше согласие, эмиссар?

– Да, – пробормотал Тревельян, – конечно. Помощь в Пустоте – святое дело.

Впрочем, его согласия не требовалось, но бортовой компьютер был неизменно вежлив с пассажирами. С древних времен навигационные устройства на беспилотных зондах и транспортных программировались так, что сигналы бедствия имели приоритет перед полетными задачами; поймав их, судно шло на выручку любому кораблю, инопланетному или земному. То был безусловный рефлекс, заложенный в компьютер и побуждавший его к цепочке стандартных действий: выйти в зону сигнала, связаться с объектом, терпящим аварию, оценить ущерб, выслать ремонтных роботов и, если нужно, снабдить экипаж дыхательной смесью, водой и продовольствием. В случае, если ремонт невозможен, принять на борт живых существ, доставить их к населенной планете и следовать по заданному курсу. Тревельян отлично понимал, что эта программа будет выполняться независимо от его желания, даже если Пекло сгорит в огне и развеется прахом.

«Задержка нам некстати, – пробудившись, буркнул командор. – Что за кретин болтается в Провале? И что там могло приключиться? Пиво кончилось? Или галльон затопило?»

– Сейчас узнаем, – сказал Тревельян. – Корабль, расшифровать сигнал! Координаты и все остальное... кто они, где и что произошло... Докладывай!

Космический СОС или просьба о помощи, отправленная по дальней связи, включала, кроме координат, обозначение терпящей бедствие расы, причину аварии и данные о состоянии судна. Тот, кто оказывал помощь, должен был знать, чем рискует и куда попадет после прыжка, в сгусток астероидов или газовую туманность, в корону звезды, что превращается

в сверхновую, или к водородному гиганту наподобие Юпитера, с множеством спутников и бурной атмосферой. Собственно, от этого зависел успех операции, которая временами была затруднительна и даже невозможна – например, в зоне боевых действий или в точке сингулярности, вблизи черной дыры.

– Координаты OrP27.05.88, – произнес компьютер. – Дистанция двадцать семь парсек, направление перпендикулярно оси Провала. Расчет курса завершен. Два прыжка до финиша.

«В самом Провале сидят, – прокомментировал призрачный Советник. – Какого черта их туда понесло? Дьявольщина! Неужели...»

Он смолк, но ментальная волна удивления накрыла Тревельяна. Похоже, этот неведомый корабль пытался пересечь Провал! Почти пересек, если двигался от Рукава Персея и одолел дорогу в двенадцать тысяч светолет... Но кто мог лететь из этой безмерной дали? Кто, кроме бино фаата? И если так, кем они были, вестниками мира или войны?

– Что случилось с ними? – спросил он охрипшим голосом. – Почему не докладываешь?

– Просьба о помощи зафиксирована, но обстоятельства катастрофы не поддаются расшифровке, – сообщил компьютер. – Использован стандартный межгалактический код, но в нем восемьдесят два процента ошибок. К сожалению, эмиссар, нельзя восстановить послание во всех деталях.

– Как такое может быть? Код несложен, и это основа коммуникации всех известных рас! – Изумленный Тревельян запустил пальцы в шевелюру. Потом его глаза потускнели, меж бровей прорезалась морщина, и он тихо промолвил: – Или эта раса не очень известная? Возможно, враг, что обитает по другую сторону Провала? Бино фаата? Ты разобрался, кто они?

Он с облегчением вздохнул, услышав ответ:

– Это не фаата, эмиссар. Это сильмарри.

Глава 3. Сильмарри

Сильмарри были особым народом, не столько загадочным, сколь непонятным и не имевшим, как остальные расы, ни материнского мира, ни планет-колоний, ни рукотворных инструментов, ни даже языка или того, что каждое племя разумных считает своей историей и чем гордится. История – судно в океане времени; его дорога от факта к факту, от события к событию предполагает отсчет истекших годов, столетий, тысячелетий, ибо без опоры дат реальное прошлое становится мифом, хаосом легенд и басен, невнятным бормотанием безголосого певца. Течения времени несут корабль истории, волны подпирают его, покачивают, кружат, и всякому ясно, что без этой подвижной среды, соединяющей минувшее с грядущим, нет ни корабля, ни иного плавучего средства, где можно было бы спасти воспоминания о прошлом. У сильмарри их, похоже, не имелось, как и понятия о времени.

У Йездана Сероокого, мудреца кни'лина, сказано: не обладающий собственной тенью стоит у башен, чьи тени густы и длинны.

* * *

Даже спустя тысячелетие от начала межзвездных перелетов Галактика не являлась открытой книгой для человечества. Этот диск с плотным центральным ядром и тремя спиральными ветвями, включавший более ста миллиардов светил, оказался слишком огромен, слишком необъятен – сто килопарсек в поперечнике и два килопарсека в толщину. Ни один народ – кроме, возможно, древних даскинов – не изведal, сколь глубоко пропасти между ветвями, сколь жарок огонь, пылающий в галактическом ядре, и что ожидает странника, добравшегося до самой дальней дали – звездных шаровых скоплений и Магеллановых Облаков. Может быть, эти далекие миры обитаемы, но кто владеет ими, чьи корабли бороздят Великую Пустоту?

К счастью или к несчастью, мрачные прогнозы древних астрофизиков об уникальности разумной жизни во Вселенной не оправдались – разум был если не повсеместным явлением в Галактике, то достаточно частым и рядовым. Его носители имели различный облик, странную или привычную землянам физиологию, сходный или отличный метаболизм; одни по всем параметрам считались людьми, другие походили на людей лишь внешне, третьих, произошедших от инопланетных ящеров, птиц, теплокровных хищников или обитателей водной среды, никак нельзя было заподозрить в родстве с гуманоидами.

История, традиции и образ жизни этих созданий казались такими же разными, как их обличье. О Древних, загадочных даскинах, владевших Галактикой миллионы лет назад, люди не знали почти ничего, хотя их реальность не подвергалась сомнению – исчезнув, они оставили младшим расам кое-какие артефакты, контурный двигатель, звездную лоцию, что называлась Портуланом Даскинов, сеть подпространственных тоннелей и память о своем могуществе. Лоона эо были народом не настолько древним, как даскины, но все же почтенного возраста, пережившим детскую тягу к власти и самоутверждению; теперь это миролюбивое богатое племя стремилось не воевать, не захватывать, а торговать. Правда, чужих они не допускали в свои косми-

ческие города, но активно общались с другими мирами с помощью сервов-биороботов, гигантских транспортных судов и рас-посредников. Внешне подобные людям или, скорее, сказочным эльфам, они, однако, не являлись гуманоидами, общались между собой телепати-

чески, имели четыре пола и размножались способом ментальной конъюгации⁷. Метаморфы, еще один мудрый древний народ, владели даром изменять свои тела, ни с кем не воевали и не торговали, не заселяли иные миры, а берегли от агрессии собственный, сделав из его координат Великую Тайну Вселенной. Никто не бывал в их звездной системе, затерянной среди мириадом солнц, но все высокоразвитые расы знали про их наблюдателей – эмиссары-метаморфы, неотличимые от автохтонов, имелись чуть ли не в каждой звездной метрополии. Вреда от них не было никакого, пока поднадзорный народ не проявлял излишней резвости – скажем, намерений стать гегемоном в огромной области пространства. В подобные моменты всегда находилась другая раса с теми же целями, и неминуемое столкновение гасило амбиции конкурентов, а иногда и жизнь на их планетах. Метаморфы, большие умельцы интриг и закулисной борьбы, фактически играли роль стабилизирующего фактора в Галактике.

Очевидно, в том была жестокая необходимость. В отличие от лоона эо, метаморфов или благожелательных парапримов младшие расы стремились не к интеллектуальному совершенству, а к звездной экспансии, захватывая все новые системы, колонизируя планеты, наращивая боевой потенциал и размножаясь быстро и бесконтрольно. Галактика отнюдь не являлась полем для мирных контактов, обмена культурными достижениями и помощи, которую мудрецы со звезд могли предложить не столь продвинутым братьям по разуму, – все это были лишь прекрасные иллюзии, порождения мечтателей-гуманистов, такие же зыбкие, как миражи пустыни. В реальности же раса, освоившая технику перемещений в Лимбе, распространялась в окрестностях материнской планеты на сотню-другую светолет, создавала звездную империю (сектор влияния, согласно принятой в Галактике терминологии) и с неизбежностью, рано или поздно, сталкивалась с соперниками. Причины возможных конфликтов были разнообразными и диктовались физиологией, социальным устройством и прошлым опытом каждого народа. У дроми, происходивших от ящеров, темп воспроизводства потомства был очень высок, и демографическое давление понуждало их к непрерывным территориальным захватам. Хапторы и кни'лина, две гуманоидные расы, считали самих себя венцом творения; встреча с другими гуманоидами – например, с землянами – являлась шоком для столь самолюбивых и эгоцентричных существ. Их первой реакцией было неприятное изумление, второй – откровенная ненависть, а третьей – попытка уничтожить тех, чей облик представлялся им издевкой Бога или Мироздания. Фаата, генофонд которых был чрезвычайно близок к земному, пережили в прошлом сокрушительные катастрофы и потому считали, что заселение сотен миров и покорение их обитателей – лучший способ предотвратить грядущий коллапс. Свои основания к конфронтации – иные, но, очевидно, столь же веские – имелись у негуманоидных рас, у льяно, айхов и всех остальных, которым человеческий облик казался уродливым, привычки – мерзкими, а дар к мышлению – крайне сомнительным.

В клубе звездных империй, сообществе избранных, больше всего уважали силу, и всякий новый его член был вынужден доказывать мощь своей цивилизации, ее монолитность при внешних угрозах, способность ответить ударом на удар и решимость идти до конца, каким бы он ни являлся ужасным. И потому Земля воевала. Бились с фаата, чей гигантский звездолет вторгся в Солнечную систему и был уничтожен в ледяной пустыне Антарктиды, бились с ними далеко от Земли, у Беты и Гаммы Молота, бились в глубинах Провала, и заняли те битвы триста лет без малого. Затем наступил черед дроми, хапторов, кни'лина... Семь веков Земная Федерация росла и крепла под блеск метателей плазмы и аннигиляторов, побеждая врагов и превращая их пусть не в друзей, не в союзников, но в соседей, признавших в Земле равного соперника, которого опасно задевать. Друзей в Галактике ни у кого не

⁷ Конъюгация – половой процесс, который заключается во временном соединении разнополых особей и обмене хромосомами и цитоплазмой. На Земле наблюдается у инфузорий.

имелось, а понятие «дружба», крайне неясное, расплывчатое, заменяли вещи конкретные: общность интересов, взаимная выгода, вооруженный нейтралитет. Даже с лоона эо, с которыми мирные отношения поддерживались доброе тысячелетие, люди были не друзьями, но торговыми партнерами, а для тех, кто нанимался к ним на службу, – хозяевами. Правда, честными и щедрыми.

Последние триста лет область Галактики, известная на Земле как Рукав Ориона, наслаждалась миром и относительным спокойствием. Фаата, пришельцы из ветви Персея, больше не пытались пересечь Провал и взять реванш за поражение; дроми регулировали свою численность и вместо аннексии чужих миров приспособливали к обитанию холодные планеты красных солнц; хапторы и кни'лина, слегка отрезвев после недавних кровавых побоищ, усилили дипломатический контакт с Землей и согласились на совместные проекты – создание смешанных колоний, исследовательские экспедиции и благотворительные миссии. Последнее начинание регулировал ФРИК, комплекс земных ин-

ститутот, опекавших культуры, не достигшие порога Киннисона ⁸ и пребывавшие на дотехнологической стадии. Их было не слишком много, но и не мало – почти у каждой двухсотой звезды класса G, то есть подобной Солнцу, а также в системах красных гигантов и двойных звезд (хотя там разумная жизнь и жизнь вообще являлись экзотикой и редкостью). Гелири и Хаймор, Пта и Селла, Сайкат и Осиер, Пекло и Розовый Дым, Сакура и Трини, Эльсинор и Тербордла... В одних мирах уже ковали железные мечи да плуги и отправлялись в странствия на парусных судах, в других еще не было сплавов крепче бронзы и кораблей надежнее пирог, а в третьих дикари забивали добычу камнями и обожженными палками. Такие планеты и меньшие братья, что населяли их, числились под патронажем Фонда, который привлекал к своим проектам хапторов, кни'лина и все технологические расы, готовые помочь благому делу специалистами, финансами и оборудованием. Что до самих этих рас, их органов власти и управления, социологии, культуры, философии, традиций, секторов влияния, промышленного и военного потенциала, то в эти проблемы Фонд не входил, оставляя их университетской науке и компетентным экспертам из разведки Звездного Флота.

Сильмарри, однако, не относились к примитивным племенам и в то же время выпадали из списка технологических рас. Если понимать под технологией машины из пластика и металла, разнообразные производства на планетах и в космосе, армии роботов, добычу сырья, энергостанции, компьютеры, голопроекторы, то этих артефактов у сильмарри не имелось. Не было и планет, служивших постоянным или временным пристанищем, центров науки и культуры, органов власти, жилищ и городов; не было даже области пространства, которая могла бы считаться их родиной. Они являлись вечными странниками, пересекавшими Млечный Путь из конца в конец, единственным примером кочующей цивилизации, не связанной с планетами и звездами, самодостаточной, мобильной и отвергавшей контакты с миром разумных существ, оседлых обитателей Галактики. Возможно, в их восприятии эти создания были не живыми существами, а чем-то вроде природных явлений, опасных или смертоносных, подобных жестким излучениям светил, магнитным бурям, черным дырам или астероидному рою. Мысль, что кто-то может властвовать над частью Великой Пустоты, провести границу, посягнуть на право передвижения, была им непонятна и чужда; они летали всюду, избегая лишь торговых трасс и населенных планет. Они защищались в случае атаки, но никогда не нападали первыми – даже на врагов, на тех, кто ненавидел их,

⁸ Решая вопрос ускоренного развития тех или иных инопланетных сообществ, ФРИК исходит из теории, разработанной Киннисоном, теоретиком и одним из виднейших деятелей Фонда в двадцать восьмом веке. Киннисон доказал, что допустимо влияние только на примитивные культуры, не вышедшие на стадию античности или средневековья. Попытка прогрессировать цивилизации, находящиеся на раннем технологическом этапе или более развитые, ведет к фатальным последствиям – обычно к общепланетной войне и полному истреблению жизни на планете (как это случилось на Горькой Ягоде и в некоторых других мирах).

боялся и мешал свободному полету. В Галактике к ним относились по-разному: лоона эо уважали, считая безобидной древней расой; земляне, хапторы, кнн'лина и терукси старались их не задевать (хотя, побуждаемые любопытством, следили, как они мигрируют вдоль ветви Ориона); дроми и бино фаата враждовали с ними, и корни этой вражды тянулись в далекое прошлое.

Корабли сильмарри, похожие на бесформенные кучи серой глины, были живыми тварями, порождением космоса; вероятно, первой жизненной формой, возникшей на заре времен в газопылевых туманностях еще до того, как появились звезды. Вопрос об их разумности оставался открытым, но не было сомнений, что присутствие сильмарри одушевляет их, ибо корабль вместе с экипажем являлся разумным существом. Этот симбиоз не допускал исключений; сильмарри обитали в каждом корабле, составляя с ним семейную ячейку, существовавшую тысячи или миллионы лет – так долго, как длилось их нескончаемое странствие. У земных специалистов существовало множество гипотез об их происхождении, и кое-кто считал, что эта раса – паразиты, возникшие в гигантском организме корабля и после долгой эволюции поднявшиеся к высотам разума. Но для всей остальной Галактики их разум был непонятен и чужд.

Внешний вид сильмарри тоже не способствовал взаимопониманию. Они походили на огромных белесых червей, способных вытягивать тела на десять-пятнадцать метров, лишенных конечностей и, вероятно, органов зрения и слуха. Тактильно-ментальное восприятие мира делало беседы с ними непростым занятием – тогда, когда они желали с кем-то пообщаться. Для их активной жизнедеятельности требовалось немного: температура от минус сорока до плюс шестидесяти по Цельсию, кислородно-азотная смесь с давлением в пятую часть земного и вода, обогащенная микроскопической органикой. Водяные пары и микроорганизмы, присутствующие в дыхательной смеси, являлись пищей и всасывались через кожу.

Номады космоса – так называли этот народ. Бесспорно, сильмарри лучше приспособились к существованию в Великой Пустоте, чем остальные галактические расы. Для всех разумных Пустота была холодным, мрачным и долгим путем, что вел от одного убежища к другому, безжизненной пустыней, что пролегла между планетами и солнцами, но для сильмарри то был дом – или, скорее, гостеприимная усадьба, где можно прогуляться, зачерпнуть энергию у любой звезды, раздобыть кислород и воду на подходящей планете и, встретив сородичей, обменяться новостями.

Но космос не благоволит никому. Великая Пустота безжалостна, сурова и враждебна жизни, и в ее просторах даже у номадов бывают неприятности.

* * *

К удивлению Тревелияна, транспорт после второго прыжка вынырнул неподалеку от звезды. Наличие светил в Провале не исключалось, но все же случай был редкий – вернее, единственный, что подтверждалось справкой в Звездном Атласе. По древней классификации Герцшпрунга—Рессела⁹, эта звезда являлась красным карликом с температурой поверхности в три тысячи градусов и светимостью на три порядка ниже, чем у земного Солнца. Тусклая, как угасающий уголь, она, однако, могла протянуть еще миллионы лет и обогреть планету, кружившую очень близко к светилу – ближе, чем Меркурий в Солнечной системе.

⁹ Диаграмма, определяющая зависимость между светимостью и спектральным классом звезд, была построена в начале двадцатого века астрофизиками Э.Герцшпрунгом и Г.Ресселом. Большая часть звезд (за исключением сверхгигантов, красных гигантов и белых карликов) лежит на главной последовательности и характеризуется следующим образом: очень горячие голубые звезды, затем белые, желтовато-белые, желтые, оранжевые и красные. Классы звезд обозначаются символами О, В, А, F, G, K, М. Солнце – желтая звезда класса G.

Впрочем, этот мир и умирающее солнце интересовали Тревельяна гораздо меньше, чем предстоящая встреча с сильмарри. Обмен информацией с ними был чрезвычайной редкостью, и, пока транспорт двигался на гравитяге к чужому кораблю, Ивар просмотрел все сообщения о достоверных контактах. Их оказалось немного.

В 2125 году отряд под командой адмирала Врбы, личности почти легендарной, столкнулся с кораблем сильмарри в системе Гондваны. Адмирал вел шесть крейсеров и фрегат к границе Провала, к Бете и Гамме Молота, мирам, занятым тогда фаата; то была операция возмездия за атаку на Землю и разгром земной флотилии у марсианской орбиты. Несомненно, Врба торопился, но все-таки послал фрегат для изучения странного объекта – в те годы о сильмарри не знали ничего, кроме факта их существования. Их корабль дрейфовал на дальней окраине системы, а погруженный в спячку экипаж бездействовал – как выяснили много позже, этот сон являлся частью акта размножения. Ксенологи с фрегата проникли на корабль и осмотрели его, оставив для потомков уникальные видеозаписи и заодно обесмертив свои имена. Иван Асенов и Хельга Сван, сотрудники Исследовательского корпуса Звездного Флота, вспомнил Тревельян, всматриваясь в кадры почти тысячелетней давности.

Перед ним раскрылся огромный отсек, простиравшийся на сотни метров во все стороны и озаренный слабым светом – вероятно, он занимал весь объем корабля. Его заполняли тонкие прозрачные гибкие поверхности, пересекавшиеся под острыми и тупыми углами в хаотическом разнообразии – лабиринт из множества камер-ячеек, не имевших ни пола, ни стен, ни потолка, а лишь обрамляющие пластины с круглыми отверстиями диаметром около метра. Структура, выращенная кораблем, удобная для передвижения лишенных конечностей существ, чьи тела зато могут произвольно изгибаться, вытягиваться и скользить из дыры в дыру, используя их края как опору... Кое-где вдоль сочленения пластин пролегали нервные волокна, похожие на кабели из темного вещества, раскрываясь глубокими, словно огромные тюльпаны, чашами, точками коммуникации экипажа с кораблем. Сквозь заполнявшую объем прозрачную структуру, подобную обители призраков, виднелся центральный стержень, будто бы отлитый из черного пластика, – разгонная шахта, что позволяла кораблю погружаться в Лимб. Некий биологический орган, если корабль был живым, но понять его метаболизм и устройство Тревельян не мог – как, впрочем, все остальные специалисты, сколько их есть в Галактике.

Вздыхнув, он перешел к другим сообщениям. Во время Третьей Войны Провала сильмарри, атакованные боевыми модулями фаата, вроде бы запросили помощи. Точнее, так решил капитан тяжелого крейсера «Мадрас» – как всегда, послание сильмарри было неразборчивым, и, может быть, они хотели не спастись, а уничтожить побольше врагов и погибнуть со славой. Но капитан «Мадраса» лишил их этой возможности, распылив десяток модулей. Сильмарри удалились, не вступая в контакт. Было ли им известно, что за спасение принято благодарить? Было ли понятно, что такое благодарность?..

В 2502 году корабль сильмарри лег на орбиту Юпитера и стал погружаться в его бушующую атмосферу. Монитор-спасатель, отправленный с Каллисто, шел параллельным курсом, пока сильмарри не попросили оставить их в покое. Просьба была убедительной – плазменный импульс рядом с кормой монитора. Затем их судно исчезло в Красном Пятне ¹⁰, и больше его не видели.

В двадцать седьмом и двадцать восьмом веках сильмарри иногда приближались к земным кораблям, сопровождая их во время разгона – как правило, вдали от оживленных трасс, на границах звездных секторов или в ничейном пространстве. Зафиксирован случай, когда

¹⁰ Красное Пятно – самое заметное образование в атмосфере Юпитера, кирпично-красная область 50 000 км в поперечнике (открыто в 1878 г.). Согласно современным воззрениям – устойчивый атмосферный вихрь (что, однако, не объясняет его цвет). На самом деле устье одного из подпространственных тоннелей, сооруженных древней расой даскинов миллионы лет назад.

сильмарри попросили выслать инертный органический объект, необходимый для восстановления массы их корабля. С пассажирского лайнера «Королева Мод» им отправили катер с двадцатью тоннами искусственного белка, после чего корабль сильмарри окутался светом, подобным сполохам полярного сияния. Возможно, то был знак благодарности, которого не дождался капитан «Мадраса».

Увиденное и прочитанное лишь раззадорило Тревельяна. Конечно, являясь социоксенологом ФРИК, он изучал примитивные расы, которым что полеты в космосе, что в атмосфере мнились волшебством, долей ангелов или демонов. Динамика социальных структур, миграции племен, нашествия варварских орд на относительно цивилизованные государства, теософия и религиозные обряды, движущий пассионарный импульс и, наконец, поиск аналогий в земной истории, что позволяло предсказать развитие событий, – вот проблемы, которыми он занимался на Осиере и Сайкате, Хайморе, Пекле, Пта и в других мирах. Сильмарри были вне его компетенции и сферы интересов Фонда, так что Ивар не стал бы утверждать, что одержим профессиональным любопытством. Просто любопытством – так было точнее.

Корабль сильмарри завис примерно в астрономической единице ¹¹ от местного светила, и транспорт добирался к нему около суток. Последний час Тревельян провел в отсеке управления, наблюдая, как на обзорных экранах медленно растет темное пятнышко, подсвеченное лучом развертки. Недалекое светило казалось отсюда маленьким красноватым диском, раз в семь-восемь меньше земного Солнца.

Они приблизились к сильмарри на десятую мегаметра, и бортовой компьютер сбросил пару зондов с осветительной аппаратурой и голокамерами. В лучах прожекторов темная масса обрела объем и цвет, став похожей на серое облако с выпирающими тут и там коническими холмами. Первый зонд обогнул эту конструкцию, и в поле зрения появилась черная трещина – несомненно, разрыв оболочки.

«Куча грязи, – заметил командор, взиравший на картину с помощью глаз Тревельяна и видеодатчика в обруче. – Куча грязи, и кто-то не так давно ее поджарил. На аннигилятор не похоже, дыра была бы основательней. Думаю, плазмой вlepили».

– Других кораблей здесь нет, – сказал Ивар, покосившись на экран локатора. – С кем они могли сражаться? И где?

«С бинюками, если идут из ветви Персея. Могли повстречать их в Провале. Фаата наверняка контролируют границу».

– Но разрыв выглядит свежим и уже затягивается, – возразил Тревельян. В свете прожектора было видно, что регенерация идет вовсю – из трещины летели комья обгоревшей плоти, ее края подергивались и смыкались. – Вряд ли они повстречали фаата, дед. У этих тактика известная – вцепились бы как волки и не отпустили. Тут что-то другое!

«Зачем спорить? Спроси!» – подвел черту Советник и замолк.

– Корабль, – позвал Тревельян. – Передай, что здесь земное судно. Пусть сообщат, что там у них случилось. Какая помощь нужна и...

Монитор устройства связи внезапно вспыхнул, и в его серебристой глубине появилась россыпь крохотных точек. Они двигались, вращались у нескольких центров, пытаясь сложиться в какие-то знаки или картины – работал транслятор с галактического кода, универсальная программа общения с любым инопланетным кораблем.

– Идет передача, эмиссар, – доложил компьютер. – Дешифровка, как и прежде, затруднена.

¹¹ Астрономическая единица (а.е.) равна 149,6 млн. км, то есть среднему расстоянию Земли от Солнца (примерно 8,3 световой минуты).

«Червяки, что с них взять! – буркнул командор. – Ни рук, ни ног, ни головы, а если мозги найдутся, так тоже раком повернуты. Не для них этот код, малыш. Я, пожалуй, погорячился... Какой разговор с червяками? Ни спросить, ни понять...»

Тревелиян, однако, еще не расстался с надеждой. Корабль сильмарри был велик, три-четыре километра в поперечнике, а в просмотренных Иваром материалах сообщалось, что эти космические левиафаны растут непрерывно, год за годом, столетие за столетием. Семейная ячейка в таком огромном корабле могла состоять из тысячи сильмарри, а их коллективный разум – средство мощное. Если не понять друг друга на уровне картин и символов, есть способ иной – прямое ментальное общение. Но это уж на крайний случай, подумал он; лезть в инопланетный мозг было неприятным, а иногда и опасным занятием.

Прошла еще минута, и бортовой компьютер сдался.

– Ошибки в коде, эмиссар. Качественная трансляция невозможна.

– А не качественная? – спросил Тревелиян, сдвинув наголовный обруч на затылок. Ответа не было – очевидно, такой вариант не имел для компьютера смысла. Повинуясь программе спасения и приказу пассажира, он попытался связаться с сильмарри, но мельтешение точек в серебристой пустоте не сделалось более понятным.

– Выслать ремонтных киберов и сварочные агрегаты, эмиссар?

– Нет. – Хмурясь, Ивар оглядел просторную рубку, капитанский мостик с единственным креслом, экраны и созвездия голографических огней, горевших успокоительной зеленью. – Никаких киберов, приятель! У нас объект биологической природы, так что лазерная сварка неуместна. Скорее всего, это будет воспринято как агрессия.

– Обязан оказать помощь, – упрямо возразил компьютер. – У объекта разрыв оболочки. Необходимо...

– Умолкни, – велел Тревелиян, запустив в волосы пятерню. Он поскреб в затылке под обручем, хмыкнул и произнес: – Меня сопровождает искусственный разум. Может, он разберется... У него семантические цепи не чета твоим, а еще поливалентное мышление... Подключи-ка его к каналу внешней связи.

«Хорошая мысль, – одобрил командор. – Наша жестянка будет покруче, чем этот недоумок».

– Жду ваших распоряжений, эмиссар, – прошелестел в вокодере голос Мозга. Эти звуки, совсем не похожие на суховатую речь бортового компьютера, несли эмоциональную окраску, ибо Мозг в полной мере сознавал себя личностью. Кое-какие чувства тоже были ему не чужды – командора он побаивался, а Ивара боготворил.

– Мы повстречались с кораблем сильмарри, – сказал Тревелиян. – Просят помощи, но непонятно, в чем и какой. Связь в твоём распоряжении. Сделай милость, потрудись переводчиком.

– Приступаю к работе, – кратко проинформировал Мозг. Затем над панелью устройства связи взметнулся световой цилиндр, и в нем возникли символы галактического кода; они кружились все стремительнее, все быстрее, пока темп вращения не стал бешеным. Тревелиян уже не мог различить темных значков, но по тому, как пригасала и вспыхивала световая голограмма, было понятно, что передача чередуется с приемом – Мозг набирал необходимую статистику. Вероятно, ошибки, что допускали сильмарри, не дублировались полностью, и сравнение вариантов ответа позволяло выделить верную информацию. По крайней мере, ее часть, доступную для дешифровки.

«Соображает, мерзавец!» – одобрил командор, и в тот же миг вращение светового цилиндра остановилось. Ивар покосился на экран, но там все было по-прежнему: точки блуждали в серебристой глубине стайкой бестолковых мурашек.

– Некорректная задача, – сообщил искусственный разум. – Ответ получен, но вероятностная оценка невелика, от тридцати до тридцати шести процентов.

– Это меня устраивает, – произнес Тревельян. – Ну, так в чем у нас дело?

– Сведения об аварии и ее причинах отсутствуют. Они хотят знать, кто вы такой, эмиссар. Есть обстоятельства, при которых помощь принять невозможно. – Мозг сделал паузу и добавил: – Надеюсь, моя дешифровка правильна.

Ивар сдвинул брови.

– Хотят знать, кто я такой? Очевидно, мою расовую принадлежность?

– Да, эмиссар. Повторяется термин... странный термин... – Мозг словно поперхнулся, – корень, сучок, отросток... пятисучковый или существо с пятью отростками. Они передают изображение... вот такое.

Точки, блуждавшие по экрану, сбегались вместе, соединившись в нечто подобное кляксе или морской звезде, нарисованной ребенком. У звезды было пять лучей, исходящих из центрального пятна – два подлиннее, два покороче и один толстый и округлый. Тревельян взирал на загадочную картинку в некотором ошеломлении.

– Пятисучковый... хмм... И что это, по твоему, значит?

– Не могу интерпретировать, эмиссар.

– Вот как! – Ивар нахмурился. – Дед, а ты что скажешь?

«Скажу, что у тебя мозги прокисли. Пошевели извилинами, парень! Нарисовано то, чего нет у червяков: две руки, две ноги и голова. Это гуманоид – конечно, в их представлении. И если они явились с другой стороны Провала, то перед нами не просто гуманоид, а...»

– ...фаата, – закончил Тревельян. – Их враг, а помощь от врага принять нельзя. Никак нельзя! Это унижительно! – Он уставился на световой цилиндр, сиявший над панелью, размышляя о том, что гордость есть у всех разумных тварей, даже у странных существ, живущих в чреве космического левиафана.

Голос Мозга прервал его мысли.

– Ваши инструкции, эмиссар?

Ивар повернулся к изображению «морской звезды».

– Пошли им эту картинку обратно, а с ней – координаты Солнечной системы. У них есть понятие о галактическом коде, так что с координатами разберутся, сообразят, откуда мы явились. Затем повторяй вопрос: какая помощь им нужна? Повторяй, пока не сможешь дешифровать их сообщения.

В столбике света над передатчиком снова поплыли, закружились темные значки. Тревельян смотрел на них, задумчиво щурясь; искушение заглянуть в корабль сильмарри терзало его. Ввести зонд в эту черную трещину, пока она не заросла, проникнуть внутрь и взглянуть на лабиринт ячеек, хаос прозрачных поверхностей, огромные белесые тела, скользящие из отверстия в отверстие, на чаши-цветки у нервных окончаний и вытянутый стержень двигателя... Соблазн был велик; никто, кроме Хельги Сван и Асенова, древних ксенологов, не видел этой картины, да и они не наблюдали экипаж в активной фазе.

Вздыхнув, Тревельян тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Осторожность перевозмогла любопытство; он сознавал, что дистанция от непрошеного гостя до врага короче волоса.

Снова раздался голос Мозга:

– Им нужна вода, эмиссар, много воды. Теперь они знают, что вы – другой пятисучковый, не такой, как обитающие за Провалом. Они просят вас о помощи.

– Пятисучковый... – пробормотал Тревельян. – Хорошее определение для гуманоидов! Правда, если разобраться, сучков больше пяти... нос, уши, пальцы и кое-что еще... – Он ухмыльнулся и сказал: – Кажется, ты стал лучше их понимать. Молодец!

– Моя заслуга невелика. Эти создания быстро учатся.

– Ну, ладно. Сообщи, что я отправляю им контейнер с водой.

Он отдал приказ бортовому компьютеру, и выплывший из шлюза квадроплан направился к корме, к водяным цистернам. Последняя в их длинной цепочке была отстыкована, квадроплан пристроился к ней сзади и подтолкнул цистерну к кораблю сильмарри. Повернувшись к боковому экрану, Ивар следил, как она удаляется, мигая алым огоньком. Компьютер выслал еще один зонд, летевший рядом и освещавший ее прожекторами.

«Это он зря усердствует, – заметил командор. – У червяков нет глаз».

Согласно кивнув, Тревелиан прошелся между пультом и капитанским мостиком. Рубка была просторна, тридцать четыре шага в ширину, и отсутствие людей делало это расстояние чуть ли не бесконечным. Эти сильмарри, думал он, кажутся такими непонятными, такими странными... Но в конечном счете все зависит от привычек, воспитания и точки зрения. Еще, разумеется, от физиологии и технического уровня, достигнутого расой... Что бы сказали эти червяки, узнав, что на огромном корабле одно-единственное существо, некий ксенолог Ивар Тревелиан? Одна живая тварь, два искусственных разума, душа умершего в памятном кристалле и три сотни портретов-голограмм, чьи назначение – развеять скуку путника... Наверное, это тоже показалось бы им странным.

Цистерна приблизилась к кораблю сильмарри. Один из конических холмов на его поверхности начал вытягиваться в длинное шупальце, его конец раскрылся темной беззубой пастью, охватившей торец цистерны. Казалось, пасть сейчас проглотит ее, но миновала минута-другая, и водяной танк – видимо, опустошенный – был отброшен в сторону.

– Заглотил. Узнай, хватит ли, – произнес Ивар, посматривая на экраны.

В световом столбе вновь закружились темные значки.

– Этого достаточно, – сообщил криогенный разум. – Они благодарят.

– Из благодарности шубу не сошьешь. Спроси, не могут ли они поделиться информацией.

– Какого рода? – поинтересовался Мозг секундой позже.

– Я хочу знать, откуда они двигаются и кто на них напал. Следы атаки заметны – эта дыра в корпусе с обожженными краями. Они сражались с фаата?

– Придется подождать, эмиссар Тревелиан. Сложное сообщение.

Световой цилиндр над панелью передатчика ярко вспыхнул, затем его блеск угас, сделавшись подобным тлеющему разряду. Вспышка, угасание, свет, темнота... Они чередовались в стремительном рваном ритме – Мозг вел диалог с сильмарри, пытаясь передать вопросы Ивара и понять ответы. Похоже, это было нелегко – темп обмена нарастал, и вскоре световые проблески слились в едва заметное глазу мерцание.

– Эмиссар, в общих чертах я завершил дешифровку. – В голосе Мозга слышалось явное ликование. – Они идут с другой стороны Провала. Такие полеты зовутся у них... терминологическая трудность, не могу осуществить точный перевод. Вероятно, что-то связанное с их физиологией или эмоциональным состоянием... Прodelанный путь истощил запасы влаги, необходимой для корабля и обитающих в нем существ. Они вышли к этой звездной системе и обнаружили, что мир около красного солнца безлюден и богат водой. В подобных ситуациях они спускаются к поверхности планеты и пополняют... отсутствие термина – видимо, ресурс или запас. Они попытались это сделать, снизились над океаном и получили внезапный удар. Плазма высокой температуры. Источник неизвестен – возможно, природный разряд или искусственное образование. Вернувшись в пространство, они передали сигнал о помощи и стали ждать, когда корабль залечит рану. Корабль был сильно поврежден, а без воды регенерация идет очень медленно. Они могли погибнуть.

– Это все?

– Да, эмиссар. Теперь они уходят.

– Любопытно!.. – протянул Тревелиан, направился к мостику и сел в кресло перед обзорным монитором.

Корабль сильмарри, похожий на тучу серого пепла, вдруг озарился радужным светом. Белые, розовые, фиолетовые полотнища плыли и колыхались вокруг него будто сполохи полярного сияния, словно паруса или знамена, трепещущие под незримым ветром, что налетел из космической тьмы; краски мерцали, оттенок белого опала переходил в алый рубин, затем – в искристый аметистовый блеск и матовую глубину черного жемчуга. Это было так неожиданно, так прекрасно! Тревельян вздохнул в восхищении, а командор пробурчал:

«Что за иллюминация?»

– Думаю, благодарность. Такое видели на одном нашем лайнере, поделившемся с сильмарри искусственной органикой... «Королева Мод», рейс с Земли на Высокую Гору... – Тревельян хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Корабль! Запись ведется?

– Да, эмиссар. Можно вернуться к маршруту следования?

– Нет, не торопись. – Прищурившись, Ивар смотрел, как космический дом сильмарри, погасив сияние, тает на обзорном экране. – Прими на борт зонды и ложись в дрейф. – Он бросил взгляд на курсоуказатель. – Мы примерно в астрономической единице от светила... эта орбита вполне подойдет. Надеюсь, ты просканировал звезду и планетоид?

– Разумеется, эмиссар. Стандартная процедура. Данные подготовлены для Звездного Атласа.

– Выведи их на экран.

Информация о звезде, собранная датчиками корабля, была краткой: тип – красный карлик, спектральный класс М, температура поверхности – три тысячи градусов Кельвина, масса – 0,17 солнечной. Несмотря на скромные размеры и малую светимость, звезда исправно обогревала свой единственный мир, бывший похолоднее Земли, но ненамного. Там имелаась кислородная атмосфера, океан изрядной глубины, большой континент и два огромных острова, почти материка. Наклон планетарной оси к плоскости эклиптики ¹² – полтора градуса, период вращения – 47,3 часа, период обращения вокруг светила – 176 суток, год почти равен земному. Масса 0,78 земной, диаметр – 11 210 километров, плотность 4,8, расстояние до звезды – 0,32 астрономической единицы.

– Подходящая планетка, – пробормотал Тревельян, ознакомившись с этими данными.

«Подходящая, – согласился призрачный Советник. – Как раз для тайной базы фаата у наших рубежей. Ну, что будем делать?»

Они переглянулись – разумеется, ментально. При жизни командор Олаф Питер Карлос Тревельян-Красногорцев был храбрецом, хорошим стратегом и отчаянным авантюристом; его потомок Ивар Тревельян вполне унаследовал от предка страсть к приключениям и любовь к опасным играм. Обычно они понимали друг друга без слов, но в данном случае все-таки стоило обсудить диспозицию.

– Надо провести разведку, – сказал Тревельян. – Конечно, на Пекле серьезное положение, но три-четыре дня ничего не решают. Опять же как понимать серьезность. Если здесь затаились фаата...

«...тогда гори это Пекло синим пламенем! – закончил командор. – Безопасность Земной Федерации всегда имеет приоритет!»

– Значит, летим?

«Это необходимо, парень».

– Но транспорт пусть остается на орбите. Возьмем квадроплан.

«Только хорошо вооруженный».

– У нас на борту нет оружия.

¹² Эклиптика – плоскость орбиты, по которой Земля или иная планета обращается вокруг своего солнца. Наклон оси вращения Земли к плоскости эклиптики составляет 23 градуса (столько же у Марса), что обеспечивает смену времен года.

«Есть горные лазеры для Пекла. Один можно смонтировать на этой каракатице... как ее?... квадроплан?...»

– Да. Еще нужны продукты, бластер, гравипланер и полевой комплект.

«Еще скафандр. Есть у нас боевые?»

– Нет. Есть кожа-биот для усиления мышечной активности и скоб ¹³.

«Бери скоб, он надежнее».

– Мозг тоже придется взять.

«Эту железяку? Зачем?»

Тревельян поскреб в затылке.

– Я знаю множество наречий, но не фаата'лиу ¹⁴. Изучать его бесполезно – нужна либо операция на горле, либо специальный транслятор. Если мы возьмем языка, то будем нуждаться в переводчике.

«Ладно. Согласен. Пусть жестянка тоже летит».

Связавшись с бортовым компьютером, Ивар велел подготовить квадроплан и оставаться на нынешней орбите. Затем встал, спустился с мостика, вышел в коридор и направился к портрету Анны Кей.

– Я ненадолго покину тебя, девочка.

– Мы уже прилетели на Равану, Ивар?

– Нет, болтаемся в Провале у какой-то звезды. Мне нужно сделать инспекционную вылазку на ее планету.

Услыхав про инспекцию, хмурая дама с соседнего портрета оживилась и уже открыла рот для непрошенных советов, но Тревельян коснулся рамы и отключил ее. Он глядел на милое личико Анны, она смотрела на него, и оба улыбались. Потом девушка сказала:

– Возвращайся быстрее ко мне, Ивар. Я буду скучать.

– Три или четыре дня, моя красавица, больше я не задержусь. Три или четыре дня...

Прощаясь, он поднял руку и улыбнулся ей в последний раз.

¹³ Ско б – скафандр-оболочка на жаргоне астронавтов. Обеспечивает носителю надежную защиту, снабжен искусственными мышцами, может служить средством транспорта, нападения и обороны. В отличие от боевого скафандра не предназначен для эксплуатации в вакууме.

¹⁴ Фаата'ли у – язык бино фаата. Голосовые связки землян не могут воспроизвести большинство его звуков.

Глава 4. Мир близкий, мир далекий

Небо расколосось. Чудовищная трещина рассекла его яркую синеву от северного горизонта до южного, открыв бездонную пропасть, в которой не было звезд. Солнце исчезло, и вместе с ним погасли огоньки заатмосферных станций и портов, скрылись два естественных спутника планеты, белесые призрачные полумесяцы, видимые даже днем. На станциях и спутниках был сосредоточен Флот Вторжения, мириады больших и малых дисков, транспорты с боевой автоматикой, шагающие и летающие сокрушители, заряды ядовитой плесени, комплекс геопланетных катастроф и зеркала, способные испарить океан потоком отраженной энергии. Несокрушимая мощь, плод многовековых усилий! Все провалилось в небытие.

Края трещины расширялись и уходили за горизонт, накрывая тьмой планету, отсекая ее от Вселенной, от жизни, света и тепла, от тысяч близких и далеких звезд. Небо сделалось черным гигантским тоннелем, прорезавшим Галактику; то была дорога в никуда, путь наказания, жестокой вечной кары. Планета падала в этот колодец неисчислимые годы, что складывались башнями геологических эпох. Время замерло, тишина сковала мир, ужас перехватывал дыхание. Многие погибли от страха, но в грядущих кровавых веках их участь казалась счастливой. Крылья смерти милостиво прикоснулись к ним, избавив от мук и унижений, от болезней, генетического вырождения и потери разума... Да, им в самом деле повезло!

Тоннель или колодец, что мнился бесконечным, имел, однако, дно. Падение кончилось, мрак сменился мутной желтизной, небо снова стало небом, но не прозрачным и синим, как прежде, а розовато-серым, будто в луже жидкой грязи растворилась кровь. Солнце потускнело, покраснело, а в ночных небесах пролегла широкая темная лента, потеснившая звезды; лишь по ее краям виднелись жалкие пригоршники огоньков, далеких, как воспоминания о прошлом. Прошлое наполнилось величием и горделивыми надеждами, настоящее – мрачной убийственной тоской. Одряхлевшее солнце и одинокий мир перед холодным ликом светила... В какие бездны их забросили? Какую уготовили судьбу?

Прозабание, забвение, упадок... Великий Враг не уничтожил их, но заключил в темницу. В узилище, где вместо стен – пустота, а вместо стражей – мрак и холод...

Фардант Седьмой очнулся. Его видения не были снами – спать, в силу своей природы, он не мог и грезил о минувшем наяву. Память предков, тех, что некогда соединили свои разумы, не исчезла, не распалась под грузом истекших лет, и ее фантомы всплывали с регулярным постоянством. Может быть, это являлось необходимостью, внедренным в мозг Фарданта алгоритмом, напоминанием о цели, для которой он существовал; может быть, в картинах, что приходили к нему, таилась некая подсказка, что-то способное помочь в восстановлении разумной жизни или хотя бы в борьбе с соперниками. Этого Фардант не знал, но не отказывался от миражей былого, то пронизанных величием погибшей расы, то грозных, мрачных и пугающих. В конце концов, это было единственным доступным ему развлечением.

Он вытянул ментальный щуп, раскрыл его в широкий веер и прикоснулся к миллиардам тварей, что мельтешили в подземельях и на поверхности материка. Все они были его частицами, плодом его усилий распространиться на большую территорию и оттеснить соперников подальше; одни – отпрысками-исполнителями, другие – имитацией той жизни, которую он помнил и старался воспроизвести. Этих он контролировал изредка; слишком многочисленные и почти безмозглые, они существовали и размножались сами собой, не требуя забот и не внушая тревоги, когда их настигала гибель.

Работники-исполнители занимались делом. Целая армия рыла ходы глубоко под землей, следуя за изгибами рудных жил; добыча была невелика, но без нее Фардант не мог воз-

обновлять потери, случавшиеся в битвах с Гнилым Побегом и Матаймой. Стражи бдили у защитной полосы, закопавшись в осыпях, спрятавшись в трещинах и щелях; их чуткие сенсоры раскачивал ветер, а цветы-зеркала, что росли на вершинах утесов, питали их энергией. Между внешним защитным барьером и внутренней границей тянулись поля энергоцветов и убежища сокрушителей; эти частицы Фарданта дремали – в активной фазе их назначением была война. Зато в огромном комплексе, где находился его главный модуль, как всегда, царило оживление: в полной тишине и темноте дальних галерей трудились рабочие отпрыски, сверкали световые резаки над биологическими чанами, крохотные побеги формировали биомассу, ползали в гипотермических камерах, отбирая клетки-образцы. Шла подготовка к новому эксперименту, но с ним Фардант Седьмой не торопился – вынырнув из мира грез, он размышлял над возможной ошибкой. Его создания превосходны, но разум их спит... Почему? Пока он не нашел ответа.

На границе восприятия его ментальный щуп соприкоснулся с разумами соперников. Сознание Матаймы, отродья Нелюдимых, было холодным, как льды в полярных океанах, и недоступным, как дальние звезды. Спрятавшись за непроницаемым барьером, он резко оттолкнул Фарданта. Он ни с кем не желал говорить, опасаясь, что ускользнувшая мысль раскроет его планы. Он был подозрителен и осторожен – самое древнее существо среди пяти бессмертных и самое слабое. Домен Матаймы лежал на севере континента, в области, бедной энергией и ресурсами, и это место он выбрал не сам – туда его вытеснили Фардант и Гнилой Побег.

Побег, как обычно, фонтанировал яростью. Ярость была неплохой ментальной защитой от внешнего проникновения, но Фардант сумел бы ее преодолеть. Однако зачем? Чтобы вновь окунуться в чувство сожаления, испытать горечь, столкнувшись с темной тучей отрицательных эмоций?.. Побег являлся его творением, ветвью, отщепленной от ствола, которую он отправил на юго-запад, чтобы оборонять побережье от посягательств Тер Абанты Кроры. Это случилось очень давно, когда Фардант хотел создать других бессмертных, размножив собственное «я». Но эти планы рухнули, ибо Побег стал не союзником, а ненавистным врагом.

В ответном импульсе Тер Абанты Кроры читалась насмешка. Он был силен, не слабее самого Фарданта, так как его небольшой материк почти не подвергся разрушениям в эпоху смуты, и в его горных районах сохранились рудники. Кроме того, материк располагался на экваторе, в зоне максимальной радиации звезды, и сокрушителей Кроры переполняла энергия. Он мог бы послать их по воздуху на побережье, в домен Побега, и уничтожить все, что шевелится на земле и под землей, но вряд ли он это когда-нибудь сделает. Гнилой Побег напоминал Фарданту о былом провале, являлся знаком поражения, символом несбывшихся надежд, и это тешило соперника. Боль для одного, а для другого – развлечение и радость... У Кроры был мстительный нрав и тяга к злобным выходкам.

С Даззом Третьим временами удавалось пообщаться. Его материк, немного меньший, чем у Тер Абанты Кроры, лежал на востоке среди океанских вод, в другом полушарии, что делало Дазза самым безопасным конкурентом. Стратегический модуль утверждал, что если захватить центральный материк и домен Кроры, Дазз превратится в младшего партнера и вполне надежного союзника. Но так далеко Фардант не заглядывал.

«Да будешь ты благополучен и вечен, – приветствовал Дазз Фарданта и после паузы добавил: – Кажется, последние эксперименты не были успешными?»

«Я порождаю одних безмозглых тварей, – с горечью признался Фардант. – Возможно, генетический материал дефектен, но другого на планете нет. Жаль!»

«Жаль», – согласился Дазз.

Он ничем не мог помочь, как и другие бессмертные – лишь в криогенных камерах Фарданта хранились клетки, пригодные для воссоздания живой органики. Объяснений этому

факту не было. Фардант полагал, что древние жители планеты, ставшие его первоосновой, имели склонность к изучению собственных тел и интеллекта. Но у Гнилого Побег сей талант не проявился.

Очередная мысль Дазза просочилась сквозь ментальный барьер:

«Существа из Внешнего Мира... Ты знаешь о них?»

«Какие существа? – Фардант почувствовал волнение. – Посланцы Врага? Или?..»

«Мне удалось их сканировать. На Врага не похожи и отличаются от нас – тех, какими мы были. Очень странные... – Дазз Третий снова сделал паузу. – Странные, но живые».

Волнение все сильнее охватывало Фарданта – ни один космический странник не приближался к их солнцу и миру тысячи Больших Оборотов. Но мир вместе со своей звездой медленно дрейфовал к границам пропасти, в которую его забросил Враг, и потому не исключалось, что они приблизились к межзвездным трассам и ареалу распространения разумной жизни. Эта жизнь, при всем ее отличии от соплеменников Фарданта, могла послужить бесценным подспорьем в его опытах.

«Существа опустили в твоих владениях?» – с трепетом спросил он.

«Нет. Корабль... что-то подобное кораблю, но будто бы живое, зависло над океаном у домена Тер Абанты Кроры. Крора велел сокрушителям распылить его».

«И это удалось?» – Мысль Фарданта переполнилась горечью.

«Нет. Существа улетели. Их корабль велик, но самые зоркие стражи его не увидят – кажется, обшивка поглощает излучения. Мой сканирующий луч был отражен с ничтожной интенсивностью».

Ментальный контакт распался.

Крора, порождение Темных Владык! Проклятый Крора!

Фарданта захлестнула ненависть. Некоторое время он прикидывал, не направить ли своих сокрушителей на юго-запад, чтобы разделаться с Кророй раз и навсегда. Но эта мысль была неразумной, и стратегический модуль ее заблокировал. Скорее всего, сражение кончится тем, что сила Фарданта и Кроры будет подорвана, отпрыски перебиты, подземные убежища разрушены, и в результате их владения разделят Матайма и Гнилой Побег. Все же оптимальное решение – ждать, терпеть, надеяться, не нарушать баланса... Может быть, кто-то из Внешнего Мира снова прилетит?

* * *

Огромная серебристая чаша антенны дальней связи повернулась, направив раздвоенное острие излучателя к Провалу. Разглядеть Провал с орбиты комплекса ФРИК «Киннисон» и вообще из Солнечной системы не представлялось возможным – сотни ярких и тусклых звезд скрывали бездну между галактическими Рукавами. Но недоступная глазу черта тем не менее существовала, являясь понятием умозрительным, но важным – границей Земной Федерации. В этом качестве Провал был особенно удобен, так как границы секторов влияния ¹⁵ обычно проводили вдоль не подходящих для колонизации естественных объектов. Таких образований в Галактике насчитывалось множество: темные и светлые туманности из разреженного газа, окрестности черных дыр и звезд на стадии сверхновой, районы, бедные стабильными светилами классов G и K, и, наконец, Провалы, разделявшие ветви галактической спирали. За тысячу лет космической эры ближайший к Земле Провал сделался не столько изученным, сколько привычным феноменом: корабли не углублялись в эту ледяную пустоту, но на ее рубеже были десятки процветающих колоний, включая самые древние – Тхар, Роон и Эзат.

¹⁵ Сектор влияния – область Галактики, в которой доминирует та или иная звездная раса.

Но излучатель антенны смотрел не на них. Искусственный разум «Киннисона» нацелил острие в другую точку, к системе двух светил, что были обозначены в земных каталогах как древнеиндийские демоны. Там, вокруг огромного красного Асура, вращался мир Равана, и второе солнце, белый Ракшас¹⁶, взирало на него раскаленным яростным глазом. Не самый благополучный из галактических миров, чье грозное имя «Равана» вскоре сменилось уничижительным «Пекло»... Но что считать благополучием? По вселенским меркам Раване очень повезло, так как на ней появилась жизнь – и не просто жизнь, а разумная. Пожалуй, этим носителям разума было не сладко среди пустынь, гигантских гор и огнедышащих вулканов, но не прошло и трех тысячелетий с момента зарождения цивилизации, как удача снова улыбнулась им. Улыбка была щедрой: земной экспедиционный корабль добрался до Раваны, и младшие братья по разуму очутились под опекой старших. Однако пока что счастья это никому не принесло.

Пока, повторил консул Сокольский, всматриваясь в экраны, где в темной глубине, заслоняя звезды, поблескивала серебристая конструкция. Пока, ибо мельницы истории мелют медленно, а первый хлеб, что выпекается в ее горниле, всегда замешан на крови. Невеселая мудрость, но другой гуманоиды не знали – ни бино фаата и земляне, ни терукси и кнн'лина, ни осьерцы и хапторы. Возможно, то был их фирменный рецепт прогресса.

– Полная готовность, – пророкотало под сводами отсека связи. Консул был здесь один; искусственный мозг «Киннисона» не нуждался в помощи людей, чтобы ориентировать антенну.

– Отправляй сообщение, – сказал он.

Излучатель антенны окутался яркой дымкой, затем с его заостренных концов сорвалась ослепительная молния. Этот краткий миг едва улавливался глазом – посылка пакета спрессованной информации занимала не более сотой доли секунды. Мощный энергетический импульс рассек пространство, и молния исчезла, чтобы, проскользнув сквозь безвременье Лимба, возродиться во многих парсеках от комплекса «Киннисон» – там, где плыл вокруг Асура спутник связи. Его орбита была согласована с вращением Раваны, так что оба небесных тела, искусственное и естественное, всегда находились по одну сторону от солнца. Компьютер, управлявший станцией, принял сообщение, расшифровал его и отправил на планетарную базу. Затем откликнулся, и эхо-импульс заставил снова вспыхнуть антенну «Киннисона».

– Получено подтверждение, консул Сокольский, – доложил мозг. – Ожидается передача с Раваны.

Сокольский молча кивнул. Межзвездные контакты в реальном времени являлись делом непростым, если учесть сложность вычислений, необходимых для наведения антенны, и прорву энергии, поглощаемой излучателем. Тем не менее он мог в любой момент связаться с мирами, где находились курируемые группы, принять отчеты и тут же переслать свои советы и инструкции. Это считалось привилегией консула, которой Сокольский обычно не злоупотреблял, помня о нуждах коллег и стоимости дальней связи. Но в этот раз случай был особый.

Бледное сияние заволочло антенну. Серебристая чаша как бы всасывала мерцающий над ней туман, то вспыхивавший, то пригасавший, и эта игра теней и света длилась долго, больше четырех минут. Огромный объем информации, подумал Сокольский. Вероятно, с Пекла пересылали результаты визуальных наблюдений.

Сияние погасло.

¹⁶ В древнеиндийской мифологии ракшасами именуют демонов. Асуры, первоначально старшие боги или титаны, со временем тоже превратились в демонических существ. Раван а – могучий и злобный ракшас, герой ряда древнеиндийских сказаний.

- Приступаю к дешифровке, – сообщил интеллект «Киннисона».
- Есть запросы на дальнюю связь в ближайшее время? – поинтересовался консул.
- Сорок минут связь в вашем распоряжении, консул. Ориентация антенны сохраняется.
- Благодарю.

Пульт, экраны и часть акрадейтовой переборки внезапно растаяли, словно отсек раскрылся в космическую пустоту. Изображение дрогнуло, поплыло, и Сокольский увидел планету, но не зеленую и голубую Землю, вблизи которой парил «Киннисон», а серо-желтый шар, перечеркнутый редкими грядами облаков. Желтизна пустынь и охра плоскогорий кое-где переходили в темно-фиолетовые и черные тона морей и проливов, похожих на бесформенные кляксы, соединенные тонкими нитями; над пиками хребтов, рассекавших континенты, висела грязная дымка из пыли и пепла, по склонам катились багровые потоки лавы, и там, где раскаленный камень встречался с водами, били фонтаны пара. Этот вид на Пекло с орбитального спутника был знаком Сокольскому и приятных воспоминаний не пробуждал.

– Идет визуальная запись, – раздался голос «Киннисона». – Продолжительность – семь минут тридцать две секунды.

Горный хребт центрального материка стремительно приблизился, его вершины пронзили розовый купол небес, исчезнув вместе с солнцами, огромным красным и белым, похожим на раскаленную монету, затем между двух отрогов раскрылась пасть ущелья, что выходило на покатый склон. Эта обширная пустошь, заросшая высокой желтоватой травой и скелетообразным кустарником, кишела животными и людьми. Ближе к ущелью стояли сотни возов с огромными колесами и высокими плетеными бортами; на одних громоздились тюки, корзины, связки копий и стрел, другие были прикрыты пологам из кож и пестрой ткани. Перед ними ряд за рядом тянулись конусообразные палатки, и южный ветер развеивал пучки волос на высоких шестах с вплетенными в них медными шариками и дисками. По окраинам пустоши паслись табуны рогатых скакунов, шевелились фигурки людей, рубивших траву длинными широкими клинками или копавших рвы и глубокие колодцы, пылали костры и булькало варево в тысяче котлов. Воины, полуголые или в кожаных доспехах, конные или пешие, носились среди возов и палаток, что-то перетаскивали, запасали воду и траву, ели, спрятавшись от зноя под телегами или укрывшись в тени утесов, двигались сомкнутым строем, выставив пики, или плясали у пылающих огней. Крики и топот, звон меди и рев животных, треск горящего хвороста и хруст срезаемой травы висели над этим станом как грозовая туча.

– Здесь Белые Плащи, – пробормотал Сокольский, разглядывая кочевую орду, – Люди Песка, Люди Ручья, Зубы Наружу, Пришедшие С Края и десять-пятнадцать других Очагов... Вся северная степь, клянусь Владыкой Пустоты! Сколько их тут!

– Тридцать две тысячи, с ошибкой полтора процента, – заметил искусственный разум. – Хотите знать точнее, консул?

– Нет. Точность вполне достаточная.

Консул вытер с висков испарину. По масштабам земной старины тридцатитысячная армия казалась небольшой – римляне, гунны, персы, монголы, арабы собирали воинства куда внушительней, не говоря уж о китайцах. Однако для малолюдной планеты пустынь и гор это была огромная сила, способная разрушить поселения и крепости, пожрать их обитателей и пустить на ветер труд десятков поколений. После нашествия варваров оазисы Кьолла будут мертвы, от торговых городов останутся руины, связь с югом континента оборвется, домашние животные одичают или попадут в котел, поля зарастут травой, а корабли сгорят в кострах кочевников. Все пойдет прахом, а прах развеется по ветру... Для Сокольского, вложившего в Равану десятилетия жизни, такая мысль была нестерпимой.

Изображение приблизилось и укрупнилось. Теперь перед консулом пылал костер, а вокруг него, мерно раскачиваясь, подтягивая колени чуть ли не к подбородку, плясали воины.

Их руки были мускулистыми и длинными, почти до колен, ногти заостренными и кривыми, так что ладонь походила на лапу коршуна или орла. На лицах, узких, как лезвие секиры, с желтоватыми пигментными пятнами на лбу, застыло выражение отрешенности, длинные космы темных волос свисали на грудь, прядями струились по спине, кожа, вымазанная жиром, блестела, в руках покачивались бронзовые топоры. На Пекле, жарком, сухом и бедном древесиной, костры разжигали не для обогрева, а чтобы приготовить пищу, и были те костры невелики. Но для этого масла и топлива не пожалели – пламя в рост человека бушевало и гудело. Ритуальный костер, подумал Сокольский и спросил:

– Танец Голода? Я не ошибся?

– Нет, консул. Согласно отрывочным наблюдениям за кочевниками, танец Голода выглядит именно так. Пляска означает, что...

Сокольский махнул рукой.

– Я помню, помню! Большая резня, мясо в котлах и груды костей... Такое не забудешь!

Резким движением воины вскинули свое оружие, ударили топором о топор, и бронза протяжно зазвенела. «Шас-га! – разом выдохнули танцующие. – Шас-га! Ррит, Ррит!»

Ррит был великим богом Голода, и пляска в его честь казалась вполне уместной, если судить по истощенному виду северян. Кожа обтягивала их лишенные жира тела, мышцы и кости выпирали, зрачки алчно поблескивали, хищный оскал и вытянутые челюсти делали лица похожими на волчьи морды. У этой расы обитателей Пекла губы были короткими, не прикрывавшими зубов, и мнилось, что они постоянно ухмыляются. Ухмылка была плотоядной.

– Конец трансляции, – сообщил искусственный разум, и картина исчезла. Однако голо-проектор не отключился, и часть стены по-прежнему затягивал мерцающий туман.

– Что-то еще? – вымолвил Сокольский, устало прикрыв глаза.

– Да. Координатор Энджела Престон просит уточнить, когда эксперт Тревелиян появится на Пекле.

– Мне кажется, через семь или восемь дней. Справься в графике его полета.

– Слушаюсь. – Пауза. Затем: – Через семь дней, консул. Согласно расписанию, он придет на Равану в двенадцать пятьдесят по времени базы.

– Передай это Престон. Нет, не так! – Сокольский поднял веки. – Отправь следующее сообщение: Тревелиян будет у вас через семь дней, если не случится ничего непредвиденного.

Глава 5. Крушение

Летать на квадропланах Ивару еще не приходилось. Обычно он десантировался в «утке», универсальной транспортной капсуле, одноместной и совсем небольшой, что вполне отвечало целям его посещения той или иной планеты. Фонд Развития Инопланетных Культур не афишировал свою деятельность среди аборигенов, предпочитая изучать их скрытно и влиять на их прогресс тайными путями. Решение вполне разумное, так как объяснить, откуда взялись земляне и чего они хотят, как правило, не представлялось возможным. Даже для лучших умов архаичной цивилизации земные эмиссары были не пришельцами со звезд, а добрыми богами или злыми демонами. Выбор того или другого варианта зависел от теологических воззрений автохтонов и нрава конкретного их представителя, с которым пытались войти в прямой контакт: оптимисты считали землян божествами, а пессимисты – дьяволами. Обе эти ипостаси были не подходящими для эмиссаров, ибо дьявол подозревался в хитрых кознях, а от бога ожидалась масса благ, желательно быстро и задаром. В нетехнологических сообществах религия играла важную роль, но влиять на нее тоже приходилось тайно, не объявляя себя божеством либо пророком. Пророки чаще всего оказывались на костре, в петле или на гладко оструганном колу.

По этим причинам Тревельян приземлялся на крохотных «утках», часто спрятанных под оболочку голографического миража, похожих на облако, птицу или клочок небесной синевы – конечно, если небо в пункте назначения было синим. Но с другими оттенками проблем тоже не возникало – фантомные устройства могли создать любую иллюзию.

На грузопассажирском квадроплане такой аппаратуры не нашлось, зато корабль был куда просторней одноместной скорлупки, где кроме пилота с трудом помещалась пара ящиков. Форма квадроплана копировала крест: в центре – сфероид пассажирской кабины восьмиметрового диаметра, с четырех сторон – четыре цилиндрических трюма-крыла длиной по двадцать метров. Эти отсеки предназначались для грузов, были просторны и снабжены торцовыми и донными люками, крышки которых могли откидываться, образуя пандусы. Каждый из четырех грузовых трюмов охватывало широкое кольцо гравидвижка, так что в целом аппарат обладал дивной остойчивостью: мог зависнуть в облаках или над грунтом, взлетать и приземляться в сильный шторм и маневрировать в воздухе с изяществом ласточки. Силовой защиты у квадроплана не было, но корпус, как у всех космических транспортных средств, был выполнен из броневоего противоударного композита. Еще имелась внутренняя акрадейтовая обшивка, способная к трансформации и изменению молекулярной структуры – на тот почти невероятный случай, если броню пробьет метеорит. В общем, машина казалась такой же простой и надежной, как древний штопор для извлечения пробок.

Что до удобств, то их Тревельян тоже оценил во время семичасового перелета к планете. Мягкие кресла в кабине управления, расположенной в верхней части сферы, жилая каюта с душем в нижней, компенсатор инерции, большие обзорные экраны, свежий воздух и музыкальный бар-автомат с напитками – все было не хуже, чем на огромном транспортном корабле. Даже уютнее, ибо скромный размер помещений не порождал чувства одиночества, а в баре, помимо фруктовых соков, нашелся отличный коньяк. Смакуя его под нежные мелодии Вивальди, Тревельян любовался бархатной тьмой Провала и обсуждал с командором детали предстоящей операции. К советам деда стоило прислушаться – с боем или с миром он исследовал сотни планет, тогда как Ивар был не слишком опытен в заатмосферной разведке и орбитальном зондировании. Он был из тех разведчиков, что больше ходят, чем летают; его, как волка, кормили ноги.

Когда аппарат завис над северным полюсом в трех планетарных диаметрах, Ивар натянул навигационный шлем и, не отключая бортовой компьютер, взял управление на себя.

Предстояли сложные маневры – четыре витка по разным траекториям над неизвестным и, вероятно, враждебным миром. Он собирался облететь планету от полюса к полюсу, затем – в экваториальной плоскости и дважды под углом в сорок пять градусов к планетарной оси, с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад. Командор считал, что четыре витка позволят картировать местность и изучить околопланетное пространство, где могли затаиться сторожевые спутники. Правда, тайная стратегия была не самым сильным местом у фаата – скрытности, секретным акциям и терпеливой длительной разведке они предпочитали масштабные сражения и оккупацию планет.

Включив локаторы и видеоаппаратуру, Тревелиан ушел на первый виток. Возможность внезапной атаки его не тревожила – он находился в тридцати мегаметрах ¹⁷ от планеты, и достать корабль с такого расстояния было непросто. Любой объект, имевший массу покоя – боевые ракеты, плазма или поток антивещества, – двигался слишком медленно, что позволяло его заметить и своевременно увернуться. Электромагнитное оружие – к примеру, лазер – было эффективнее на больших дистанциях, но только в пустоте; если стрелять с планеты, часть энергии рассеивалась в атмосфере. Атмосфера же тут была вполне приличная – давление как на Земле в тысяче метров над уровнем моря, двадцать пять процентов кислорода, водяные пары и углекислый газ в следовых количествах, остальное – азот. Типичный состав для землеподобного мира, способного поддерживать жизнь.

Каждый виток занял около получаса. Когда облет был закончен, планетарная сфера развернулась над пультом в голографической проекции: обширный континент, закованный на севере в панцирь из снега и льда; к западу, на экваторе – материк поменьше, величиной с Австралию; россыпь островов в океане, один из которых почти не уступал размером западному континенту. Рельеф был пустынный или гористый, но горы показались Тревелиану невысокими; видимо, ветер, дожди и ураганы, несущие песок, сгладили хребты, превратив их в плоскогорья. Кое-где виднелись каменные россыпи, напоминавшие руины городов, и маячили серо-зеленые пятна леса или покрытые лишайником равнины, но изобилия зелени не наблюдалось; всюду на суше преобладали оттенки песка и скал – желтый, коричневый, черный и красный.

Изображение планеты медленно вращалось. Сутки вдвое дольше земных, вспомнилось Тревелиану; сутки дольше, год меньше, и наклон планетарной оси практически отсутствует – значит, нет смены сезонов... Ниже планетарного сфероиды скользили физико-химические данные: вероятный состав коры, соотношение площади суши и океана, альbedo, диапазон температур на поверхности. Планета была холоднее Земли: на экваторе – двадцать градусов Цельсия, в умеренных широтах – восемь-десять. Однако она поддерживала жизнь и обладала кислородной атмосферой; мир, вполне пригодный как для землян, так и для их врагов фаата.

– Искусственные объекты в космосе не обнаружены, – сказал Ивар, покосившись на экран локатора. – Внизу тоже ничего... кажется, ничего... – Он пригляделся к едва заметным пятнам, то ли теням, отброшенным горами, то ли древним развалинам, то ли серому растительному покрову. – Хотя вот эти образования мне подозрительны. Надо бы проверить, но как?

«Взгляни на данные о плотности коры, – посоветовал командор. – Фаата не такие болваны, чтобы соорудить базу прямо на поверхности».

Мысленно вызвав нужный массив, Тревелиан склонился к экрану. Его глаза сузились, ноздри раздулись, словно ощущая запах приключения.

¹⁷ Мегаметр – миллион метров или тысяча километров; единица измерения сравнительно небольших космических расстояний.

– Подземные каверны, – произнес он, – полости с повышенным содержанием органики и металла. Сколько их! Под ледяным щитом на севере... в лесном районе центрального материка... на западном побережье... еще на малом континенте и океанских островах... Дед, это целая инфраструктура! Сотни, тысячи пещер!

«А я что говорил! Наверняка ангары для боевой техники, склады, казармы и, разумеется, линии обороны! – Командор на мгновение смолк и призадумался. – Хотя странная история... наших червяков подбили мощным метателем плазмы, что для фаата не характерно. Как правило, они используют аннигиляторы».

– Аннигилятор разнес бы корабль сильмарри в пух и прах, – возразил Тревельян. – Может быть, фаата хотели не уничтожить их, а заставить приземлиться? Взять пленных и...

«Зачем им пленные червяки? – прервал его Советник. – Бывало, фаата брали пленных, но исключительно гуманоидов – у них с рождаемостью проблемы, необходим генетический материал. Червяки для этого не годятся, сам понимаешь. К тому же я носом чую, что били не для острастки, стреляли на поражение... Ты уж мне поверь!»

Ивар молча склонил голову – не в тех он был чинах, чтобы спорить с дедом по поводу военной тактики. Поднявшись и сняв шлем, он заглянул в передний грузовой отсек с установленным там горным лазером – три его ствола, выведенные наружу вместе с поворотным механизмом, гарантировали приличный сектор обстрела. После этого он направился в левый трюм, проверил, надежно ли закреплены контейнеры с оборудованием, поглядел на трафора, который растекся по полу плоской лепешкой, и возвратился в рубку. Спрятал на груди обруч с памятным кристаллом командора, потом сел, напялил шлем и резко хлопнул по подлокотнику. Страховочные ремни тотчас обхватили тело, а под креслом заверещал компенсатор инерции.

«Никак решил спуститься?» – любопытствовал дед.

– Надо же прояснить ситуацию. Вдруг там не фаата, а дроми или хапторы? Они к нам тоже теплых чувств не питают.

«Это верно. Снижайся, парень, только место выбери с умом и помни, что с пятисот километров они тебя достанут. Чем угодно достанут, аннигилятором, лазером, бластером... А корабль у нас не крейсер, не фрегат, а грузовая лоханка без силовой защиты».

– Бог не выдаст, свинья не съест, – сказал Тревельян. – Переключу локатор в режим интравизора¹⁸ и проскользну над западным материком. Он небольшой, пересечем минуты за три, просветим полости, сделаем запись... Затем – свечкой вверх, только нас и видели!

«Неплохой вариант, – одобрил Советник. – Не забудь, однако, выполнить формальности. Порядок есть порядок».

– Разумеется. – Тревельян повернулся к вокодеру, назвал дату, свое полное имя, звание и должность, индекс транспортного корабля и номер рейса. Затем нахмурился в задумчивости, поглядел на локатор и произнес: – По праву первооткрывателя нарекаю эту планету именем Хтон¹⁹. Основание: многочисленные подземные каверны, обнаруженные при орбитальном зондировании.

– Зафиксировано и передано на базовое судно, – произнес бортовой компьютер.

– Подключись к лазеру, – распорядился Тревельян. – Если нас атакуют, стреляй на поражение. Все! Идем вниз.

Под вой компенсатора он резко увеличил скорость, затем притормозил, и через двенадцать минут судно погрузилось в атмосферу. Последний виток завершился где-то между южным полюсом и экватором, и сейчас квадроплан летел к северо-востоку над беспокой-

¹⁸ Интравизор – прибор для наблюдения сквозь непрозрачные препятствия – стены, слои горных пород и так далее.

¹⁹ Греческое слово «хтон» означает «земля». От него произошли имя «Хтоний» («земляной человек») и термин «хтонический», который используется для обозначения подземного мира и его божеств.

ной поверхностью океана. С высоты двух километров она казалась ровной, как отшлифованный серо-зеленый камень, но в приближении виделись огромные валы и брызги летящей по ветру пены. Только колыхание волн оживляло пейзаж – ни кораблей, ни птиц, ни морских обитателей локаторы не засекли. Полная безжизненность этих бескрайних владений воды и ветра угнетала.

Вдали появилась темная полоска береговой линии, и Тревельян начал снижаться. Древнее правило военных пилотов – чем ниже летишь, тем безопаснее – было справедливо и на этот раз, а перед теми древними асами имелось преимущество: бортовой компьютер. Не очень разговорчивый и без претензий на особый интеллект, но обладавший нечеловеческой реакцией.

Берег приблизился. Стали видны утесы – у их подножий, то вгрызаясь в камень, то отступая назад, ярилась вода. Скалы были голыми – ни мхов, ни лишайников, ни водорослей.

– Стерильная планета, – пробормотал Тревельян, делая мысленное усилие. Аппарат взмыл над скалами и заскользил над каменистой равниной, усыпанной черным щебнем. Здесь, однако, была какая-то растительность – над щебенкой торчали кусты с искривленными, изломанными ветвями, лишенные листьев и похожие на тысячи задранных к небу паучьих лап. Ивару почудилось, будто они склоняются вслед кораблю, но картина промелькнула слишком быстро.

Небольшой западный континент, который он пересекал сейчас по диагонали, оказался гористым. Береговая равнина поднималась к хребту или краю плоскогорья, рассеченному глубокими трещинами и каньонами; кое-где поблескивала вода, и над стремительным течением горных речек искрились радуги. Решив, что ущелье послужит хорошим укрытием, Тревельян направил машину к ближайшему разлому, откуда потоком струилась вода. В этой реке было нечто странное, и он еще не успел осмыслить странность, как заговорил Советник:

«Обрати внимание, малыш: реки не продолжают на равнине и не стекают в океан. Почва поглощает воду».

– Думаешь, под землей водосборник?

«Не сомневаюсь. Все нуждаются в пресной водичке, даже такие ублюдки, как фаата».

Мимо уже проносились стены ущелья и пенистая бушующая река. К обрывистым склонам с расселинами и пещерами цеплялась растительность – все те же кусты-пауки и что-то похожее на карикатурные деревья; их перекрученные стволы с жалкими пучками листьев в безмолвной мольбе тянулись к пролетающему кораблю. Маленькое красное солнце стояло в зените, заливая каньон скудным сумрачным светом. Крестообразная тень квадроплана, прыгая по камням и водным бурунам, скользила вниз.

Аппарат вырвался из ущелья и запетлял среди утесов и невысоких гор. Они находились уже километрах в трехстах от побережья и двигались с огромной скоростью; броня квадроплана начала светиться, а складки местности стали неразличимыми, словно ее задержали бурым покрывалом.

«Если у подножия гор водный коллектор, то база должна быть поблизости, – заметил призрачный Советник Тревельяна. – Держи ушки на макушке, паренек. Как бы нас не...»

Сверкнула молния, и квадроплан подскочил вверх, уходя от огненного жала. Горный лазер в переднем отсеке развернулся, алый трезубец ударил в скалу, взметнулись пыль и камни, затем над осевшей вершиной расцвел фонтан огня. Что-то неясное мелькало в нем, расточаясь в дыму и пламени; ветер подхватывал темные лохмотья, кружил и рассыпал на скалы серый прах. Эта картина, уже отдаленная в реальности на много километров, мерцала на боковом экране, записанная голокамерами корабля. Будто комментируя ее, бортовой компьютер сообщил:

– Первая цель поражена.

«Что у нас на локаторе? – поинтересовался командор. – Мы уже над базой? Над самым гадючником или еще в защитной зоне?»

– Не знаю, дед. Некогда взглянуть.

Сцепив зубы, Тревельян замер в объятиях кресла. Шлем раскаленными клещами сжимал череп, пальцы окаменели на подлокотниках, на лице выступила испарина. Они находились в центральной части континента, там, где хаос огромных бесформенных глыб и скал перемежался с пологими горами. Слившись со своим крестообразным аппаратом, Ивар мчался над каменными осыпями, бесплодными склонами, разломами, что змеились тут и там; не сбавляя скорости, он огибал высокие пики и видел, как в них распаиваются щели бойниц. Не руки, а мысль Тревельяна управляла сейчас кораблем, но даже ментальный импульс был недостаточно быстр, и потому коллоидный мозг человека нуждался в помощнике, в холодном стремительном машинном разуме. Для Ивара это было привычным; его эпоха являлась временем прочного союза людей с искусственными интеллектами.

– Атака, – произнес бортовой компьютер, и сотни молний настигли квадроплан. Возникло ощущение, что их порождают каждый утес, каждая горная вершина; огненный кокон сомкнулся вокруг корабля, Тревельян, ослепленный яростным блеском, на мгновение прищурился, взвыли компенсаторы, гася инерцию, и сквозь их стоны пробился спокойный голос:

– Вторая цель поражена. Третья цель поражена. – Пауза. – Разгерметизация правого трюма. Четвертая, пятая и шестая цели поражены. – Пауза. – Задет кормовой гравитатор. Снижение мощности на шестьдесят процентов. Седьмая цель поражена. – Пауза. – Разгерметизация правого трюма ликвидирована. Поражены цели восемь и девять. Попадание в носовой трюм, гравитатор выведен из строя. Десятая цель пора...

«Убирайся отсюда! – Ментальный вопль командора ударил в виски как набат. – Мы в зоне перекрестного обстрела! Двигай к морю! К морю, на максимальной скорости!»

«Мы и так уже на максимальной, – отозвался Тревельян. – Быстрее нельзя, сгорим!»

Он подавил искушение умчаться вверх, в стратосферу, и выйти в космос, где сопротивление воздуха не сдерживало полет. Подъем занял бы немного времени, но корабль в небе – отличная цель, и поразить ее можно за долю секунды... Помня об этом, Ивар прижимался к спасительной земле и маневрировал, пытаясь укрыться в скалах. Мерный голос компьютера, перечислявшего свои победы и потери, по-прежнему раздавался в рубке:

– Шестнадцатая цель поражена. Пробоина в кормовом отсеке, гравитатор выведен из строя. Левый гравитатор поврежден, потеря мощности тридцать процентов. Поражены цели семнадцатая и восемнадцатая. Нарушен баланс двигателей. Восстановление займет...

Квадроплан встал на дыбы, послышались треск и скрежет, запахло горящим акрадейтом. Плавающие иглы пронзили мозг Тревельяна, жаркая волна прокатилась по позвоночнику; он заорал, но шлем не сбросил – лишиться ментального управления было смерти подобно. Скорость упала, но все же аппарат выровнялся, перевалил последнюю горную цепь и устремился к проливу, что отделял западный материк от центрального. До моря было километров сто двадцать.

– Срезана часть правого трюма, – сообщил компьютер. – Гравитатор необратимо поврежден. Пробита водяная цистерна. Устройство космической связи разрушено, восстановление не подлежит. Цели для ответной стрельбы не наблюдаются.

Плазменные разряды погасли. Раскачиваясь и содрокаясь, квадроплан мчался к морскому берегу.

«Будь осторожен, – посоветовал командор. – У побережья может находиться еще один оборонительный пояс».

Ивар снизился почти до самой земли и взглянул на пульт. Они лишились передатчика и одного из двигателей, два других тянули процентов на десять номинала, а последний, менее

поврежденный, – на семьдесят. Машина, однако, держалась в воздухе и двигалась с прежней скоростью. Ее надежность восхитила Тревельяна. Впрочем, он понимал, что без серьезного ремонта от планеты им не оторваться.

Внизу мелькнули прибрежные скалы, развернулась серо-стальная поверхность пролива, и вслед кораблю снова ударили молнии. Квадроплан закачался сильнее. В днище ударила волна, подбросив аппарат.

– Попадание в левый трюм, – зазвучал голос бортового компьютера. – Двигатель теряет мощность.

Левый гравитатор был последней надеждой Тревельяна – кажется, слишком хрупкой. Он начал поднимать машину, чувствуя, что с каждой секундой она все тяжелее идет вверх. Над морем грудились темные облака, и там, где их подсвечивало солнце, облачная масса казалась пропитанной кровью. Тучи висели высоко, и искалеченный квадроплан не смог к ним подняться. Но все же Ивару удалось разглядеть противоположный берег.

«Дотянем до суши?» – спросил командор.

– Пожалуй. Найдем уединенное местечко, сядем на грунт, починимся. Если только... – Тревельян вдруг почувствовал, как на лбу выступает холодный пот. – Компьютер, что у нас с грузом в левом трюме? И что с трафором?

– Трафор цел, – раздалось в ответ. – Сгорели три контейнера.

– Какие?

– Продовольствие, напитки и гравипланер, – сообщил невозмутимый голос.

– В водяной цистерне что-нибудь осталось?

– Нет.

Наступило угрюмое молчание. Корабль уже преодолел пролив, и теперь внизу расстилалась дикая бесплодная местность – равнина, засыпанная серой пылью, с глубокими кратерами и оврагами, словно прочерченными гигантским плугом. Иногда этот унылый пейзаж сменял ослепительный блеск серебристой поверхности стекла или металла, некогда расплавленного, а потом застывшего зеркальными озерами. Впрочем, Тревельян не мог поручиться, что видит стекло или металл – блеск слепил глаза.

«Похоже, – заметил командор, – нам придется поголодать».

– Не нам, а мне, – мрачно уточнил Ивар. – Правда, бар-автомат загружен, но запасов в нем немного. Нужна вода.

«Ищи ручей или реку, малыш».

– Спасибо за совет. Ремонтный док нам тоже не помешает.

Словно в ответ на это замечание компьютер сообщил:

– Мощность двигателя падает. Теряем высоту.

Слева по курсу вставали горы, а где-то на востоке, как помнил Тревельян, лежал за серой пустыней большой оазис в форме шестиконечной звезды. Туда не дотянуть, мелькнула мысль. Но, очевидно, двигаться к оазису не стоило; там, где зелень и изобилие вод, наверняка есть люди – надо думать, целый гарнизон в подземной базе. Помянув фаата недобрым словом, Тревельян повернул на северо-восток, к горам.

– Снижаемся, – отрапортовал компьютер. – Дистанция до грунта восемьсот метров... семьсот пятьдесят... семьсот...

Горы вставали стеной с запада на восток и были невысокими – не горный хребет, а его руины, то ли разбитые ковровой бомбардировкой, то ли источенные временем. Пологие увалы тянулись в пустыню, зарываясь в серый песок словно пальцы великана; между ними, среди каменных россыпей, ближе к подножиям утесов что-то посверкивало – слюдяные пластинки или, возможно, кристаллы соли. Либо вода, решил Тревельян, с трудом удерживая аппарат от падения.

– Пятьсот метров, четыреста пятьдесят, четыреста... – монотонно бубнил компьютер.

Ивар сбросил скорость, потом завис над сравнительно ровной площадкой, почти свободной от камней. Теперь он разглядел, что здесь и в самом деле есть вода – маленькое озерцо, принимавшее крохотный водопад, который прыгал по крутому склону. Изображение на экране дрожало, квадроплан сильно раскачивало – от песка и скал поднимался поток нагретого воздуха. Прежде, при исправных двигателях, такая мелочь не мешала кораблю застыть в полной неподвижности, но сейчас он держался в воздухе чудом.

– Данный полетный режим грозит катастрофой, – напомнил компьютер. – Рекомендуются аварийная посадка. До грунта двести восемнадцать метров. Падение с такой высоты...

– Ясно, что костей не соберем, – буркнул Тревельян, направляя машину к земле. Взметнув тучи серой пыли, он с лязгом и скрежетом опустился между озерком и трещиноватым барьером увала, снял шлем и вытер ладонью пот с лица. Затем посидел минут пять с закрытыми глазами, чувствуя, как прибывают силы – медицинский имплант под левым ребром принялся за работу, восстанавливая гормональный баланс.

«Взгляни на показания локатора», – напомнил призрачный Советник.

– Успеется, дед. – Водрузив на голову обруч, Тревельян распорядился, чтобы были взяты пробы грунта, воды и воздуха. Пока трудились анализаторы, он заглянул в левый трюм, сморщил нос – оттуда тянуло запахом горелого, – велел проветрить помещение, потом, шагая по накренившейся палубе, вернулся в кресло, выпил сока и сжевал пластинку концентрата. В пищевом баре-автомате имелся запас продовольствия дней на пять-шесть, но два контейнера с запасом еды и питья были сожжены плазменной струей, пробившей корпус, а вместе с ними сгорел гравипланер. Антенна передатчика исчезла, а сам он превратился в лом. Мозг, к счастью, не пострадал, и полевое оборудование тоже уцелело.

На экран высыпали цифры и символы, результаты анализов. Бортовой компьютер докладывал, что воду в этом мире можно пить, воздухом – дышать, и что вирулентной микрофлоры не наблюдается – ничего такого, с чем бы не справился медицинский имплант. Температура тоже была приемлемой – плюс восемь по Цельсию. Ознакомившись с этими данными, Тревельян произнес:

– Не так плохо, как ожидалось. Связи у нас нет, зато с водой проблем не будет. Что с кораблем? Подняться можем?

– Нет, – сообщил компьютер. – Правый двигатель не подлежит восстановлению, остальные требуют ремонта в стационарных условиях. – Он помолчал и добавил: – В доке.

– Где я тебе док возьму? – буркнул Тревельян. – Сам справляйся!

– Невозможно, – раздалось в ответ. Потом, словно в утешение, компьютер заметил: – Пробоины в обшивке заращиваются, герметичность восстановлена. Питания по нормативам хватит на четыре дня.

– Связь с базовым кораблем отсутствует. Значит, нельзя вызвать другой квадроплан, – добавил Ивар.

«Это в любом случае бесполезно. Квадроплан – беспилотный аппарат. Без тебя его собьют, а если лоханка и доберется сюда, так в виде решета. Не советую рассчитывать на помощь».

– Спасибо, дед, это звучит очень ободряюще.

Встав, Тревельян направился к шлюзу, но Советник опять напомнил:

«Локатор. Взгляни на его показания».

– Не сейчас. Пока еще светло, я хочу осмотреться.

Раздвинулась внутренняя диафрагма, потом открылся люк. Без колебаний Ивар спрыгнул вниз, на почву неведомого мира, и отошел на пару десятков шагов. Под башмаками скрипел песок, сильные порывы ветра холодили кожу, в сумрачном низком небе, прячась за вершины гор, висело багровое негреющее солнце. От скал протянулись длинные тени, свет меркнул и наступала ночь – долгая ночь Хтона, почти равная суткам Земли.

Квадроплан лежал у скалистой гряды, что выступала из песка, смыкаясь на севере с горным склоном. Оттуда струился ручей, наполняя озерцо, и, если не считать журчанья воды и посвиста ветра, вокруг царила мертвая тишина. Невысокие горы вставали изрезанной стеной, уходившей на северо-восток и юго-запад, насколько хватало взгляда; кое-где среди коричневых и черных утесов виднелась серебристая растительность, то ли кусты, то ли низкие, прикившие к грунту деревья. С юга к горам подступала пустыня: серый песок, серые пологие барханы, серое блеклое небо и ветер, круживший серую пыль. На своем веку Тревельян повидал немало пустынь, ледяных, холодных или жарких, но эта внушала особое уныние. От нее исходил ментальный запах безнадежности.

На миг Ивару почудилось, что щупальца пустыни проникли в его разум и копошатся в голове, точно незримые пиявки, обыскивая память, бесцеремонно роясь в ее кладовых и закромах, высасывая все подряд: лица друзей и знакомых, картины юности, пейзажи Земли и иных миров, где ему довелось побывать, что-то еще, связанное, быть может, с его работой и предстоящей миссией. Было ли это ментальным вмешательством? Несмотря на весь свой опыт и тренировку, он не мог утверждать, что подвергается телепатической атаке; его ни к чему не принуждали, ничего не требовали, и охранявшие сознание барьеры не были нарушены. Вполне возможно, что воспоминания навевал пустынный безжизненный ландшафт – пустыни, степи и морская ширь обладали своеобразным гипнотическим эффектом, связанным с их необъятной безбрежностью.

Пожав плечами и отвернувшись от серых пространств, Тревельян направился к кораблю. Он обошел вокруг квадроплана, хмурясь и недовольно посапывая; трудолюбивый ветер заметал песком отпечатки его следов.

Машина находилась в самом бедственном состоянии. Она уже не была похожа на крест – половина правого грузового отсека исчезла, а двигатель, что окольцовывал его, расплавился и свисал с корпуса потеками металла и обгоревшей пластмассы. В остальных трюмах темнели пробоины, уже затянутые акрадейтом, бронева обшивка потеряла зеркальный блеск, большие кольца гравидвижков были смяты, и сквозь дыры в кожухах торчали обрывки проводов. Но, как утверждал бортовой компьютер, их можно было починить, найдись где-нибудь в окрестностях ремонтный док, киберы-монтажники и запчасти. В принципе, чтобы выйти в космос и добраться до грузового судна, хватило бы двух движков, но перебрать их вручную казалось невыполнимой задачей.

«Крышка нашему корыту, – заметил командор. – Хотя, если собрать из трех движков один, то, может, еще и полетаем».

– На одном моторе всю конструкцию не поднять, – возразил Тревельян.

«Всю не нужно. Лишнее отрежем. Достаточно оставить пассажирскую кабину и левый грузовой отсек».

– А ведь это мысль!

Склонив голову к плечу, Тревельян снова устался на свой летательный аппарат. Квадроплан не был приспособлен для контакта с твердой поверхностью и не имел посадочных штанг, лыж, колес или других упоров. Сейчас машина стояла на зарывшемся в почву сфероиде центральной кабины, упираясь в песок обрубком правого трюма и высоко задрав левый. Кажется, это положение было устойчивым и позволяло откинуть крышку люка в днище. По команде Ивара люк раскрылся, и трафор с заключенным в нем криогенным Мозгом, осторожно переставляя ноги, сошел на грунт. Форма, принятая роботом, являлась походной: туловище в виде широкого блюда, шесть нижних конечностей и четыре манипулятора с многопалыми кистями.

– Вызывали, эмиссар? – проворковал Мозг нежным контральто.

– Да. У нас проблемы. Разбит передатчик, и корабль, как видишь, поврежден.

Выдвинув два щупальца со зрительными органами, трафор осмотрел машину и заметил:

– В самом деле поврежден. Я заключаю, что в ближайшее время мы не сможем вернуться на транспортное судно и, следовательно, опоздаем на Равану.

– Это уж как пить дать, – согласился Тревельян. – Но опоздание лишь первая часть проблемы, а другая – как бы не остаться тут навсегда. Впрочем, если ты починишь двигатели...

Мозг вытянул манипулятор, отставил палец, превратил его в лазерный резак, в щуп тестера, в отвертку и снова в палец.

– Теоретически это возможно, эмиссар. – Его голос сделался густым и басовитым, как у солидного инженера. – В моих базах данных сосредоточены все нужные сведения о гравитационном приводе, а также описания ста сорока двух конструкций с детальными чертежами и технологиями сборки и ремонта. Однако...

– Есть сомнения? – поторопил Тревельян.

– Есть. Отсутствуют практические навыки, эмиссар. Этот механизм, – Мозг звонко стукнул манипулятором по днищу, – является не монтажным роботом, а универсальным. Другие реакции, иная моторика, а также интеллект, слишком высокий для практической деятельности. Меня создавали, чтобы управлять другими агрегатами, а не подменять их в решении частных задач. Я – технический координатор и в этом качестве способен на...

«Ишь, щеки надувает, консервная банка! – возмутился командор. – Тоже теоретик выискался! Ты его, малыш, приструни! Гаечный ключ в зубы, и за работу!»

Советник был несомненно прав, и Тревельян, указав на один из двигателей, строго молвил:

– Демонтировать, разобрать и собрать! Выполнишь, тогда и появятся нужные навыки. – Он поглядел на тусклое солнце, что садилось за горами, и ощутил неимоверную усталость. Полет и схватка с неведомым врагом отняли столько энергии, что он едва держался на ногах. – Пока ты трудишься, я, пожалуй, вздремну. Вечером все порядочные люди должны ложиться спать, – пробормотал Тревельян, направляясь к люку.

Он опустился в кресло, но уснуть ему не удалось.

«В третий раз напоминаю: взгляни на данные локации», – раздалось под черепом. Командор отличался упрямством, редким даже для военного человека.

Ивар протяжно зевнул.

– А подождать нельзя? В конце концов, я тут, и фаата тоже никуда не денутся.

«Здесь не фаата, парень. Кто угодно, только не они».

– Ты уверен? – Сон слетел с Тревельяна.

«Абсолютно. У этих тактика совсем другая. Оружие фаата – не метатель плазмы, а аннигилятор, и если объект не уничтожен, они высылают боевые модули. – Помолчав, командор добавил: – Будь уверен, модули нас бы в клочья разнесли. Ты бы теперь не в кресле дрых, а догорал на том плоскогорье в какой-нибудь трещине. Однако...»

– Однако я еще жив, – буркнул Тревельян, поворачиваясь к локатору и включая запись. – Мы сканировали полости на западном материке... Скажи мне, дед, если здесь фаата, что я могу увидеть?

«Ангары с боевыми модулями. Центр управления – там должна быть большая сфера, символ власти их предводителей. Отсеки, где держат солдат. Квазиразумное устройство – оно как осьминог с массой щупалец. Батареи аннигиляторов. Возможно, корабль-матку – скорее, не в подземелье, а на поверхности. Эту лохань под землю не спрячешь – пять километров в длину, два в ширину... Есть что-нибудь такое?»

– Нет, – сказал Тревельян. Перед ним на мониторе плыли неясные тени, очертания каких-то механизмов, многорукие существа, что сустились в тоннелях и подземных залах, тонкие линии коммуникаций, пещеры со странными машинами, дробившими горную

породу. Ничего похожего на боевые модули, формой напоминавшие коробок, никаких подземелий с аннигиляторами, осьминогами и солдатами... К тому же доля органики у наблюдаемых объектов была ничтожно малой, а составлявшие их соединения дистанционному анализу не поддавались.

– Кажется, там древние роботы, и крыша у них изрядно того... – промолвил Тревельян. – Агрессивная некросфера, остатки прежней цивилизации... Хотел бы я знать, сколько им лет!

«Вот и выясни, – предложил Советник. – Раз они в тебя стреляли, значит, согласно Глику-Чейни ²⁰, устрой-

ства весьма примитивные. Найдешь командный центр, перехватишь управление, и вся эта шайка – твоя. У них приличный ИТР ²¹, так что нашу посудину отремонтируют в лучшем виде».

– Пожалуй, что так, – сказал Тревельян и призадумался. Ситуация переменялась радикально: если здесь не бино фаата, старинные враги Земли, разведывать на Хтоне нечего. В Галактике существовали планеты с руинами древних культур, некогда процветавших, но с течением лет склонившихся к закату. Их изучение было делом археологов, а не Звездного Флота и не ФРИК; сам Тревельян занимался цивилизациями живыми, способными к развитию и прогрессу. Этот мир на галактических задворках, обитель спятивших роботов, не представлял для него интереса, и он уже жалел о потерянном времени и неизбежной задержке. Опаздывать на Пекло без веских причин не хотелось, а база фаата у рубежей Федерации была причиной куда как веской. Если же ее тут нет, то что остается? Пустое любопытство?.. Нет, не только, подумал Ивар, вспомнив о сильмарри. Помощь терпящим бедствие – святое дело, и, значит, он выполнял свой долг.

Это его успокоило. В конце концов, контакты с сильмарри так редки, что оправдают любое опоздание – и, к тому же, что он мог поделаться? Бортовой компьютер реагирует на сигналы бедствия независимо от воли пассажира... Случай экстраординарный, и он был в полном праве осуществить расследование... Собственно, это его обязанность как гражданина Федерации – вдруг на Хтоне оказались бы враги?.. Фаата или, положим, дроми, с которыми сражался дед... Сражался и погиб под яростным светом Бетельгейзе, завещав потомкам: будьте бдительны!

Так что Пекло подождет, думал Ивар, уплывая в сон. Подождет... Пекло подождет... Само собой, мало приятного в том, что Серый Трубоч перешел горы, но данный факт еще не повод к панике. Разберется он с этим Трубочом, непременно разберется, и никакая задержка тому не помешает...

Веки его сомкнулись, дыхание стало тихим и ровным, но он еще не погрузился в беспмятство, пребывая на пороге мира сновидений. Кто-то неосязаемый и незримый был рядом с ним, готовясь шагнуть в его грезы и даже странным образом как будто направляя их. Гигантские вершины Поднебесного хребта возникли перед Тревельяном, ринулись вверх, исчезая в серых тучах, вспыхнули над ними два светила, белое и красное, и их лучи, подобные клинкам, вонзились в песок бескрайней равнины. Он снова был на Пекле – мчался на гравипланере, спускаясь с гор, и жаркий ветер овеивал его лицо.

²⁰ Теорема Глика-Чейни, или Первая теорема психокибернетики, была сформулирована и доказана в конце XXI века. Теорема устанавливает порог, выше которого искусственный разум неотличим от человеческого (его также называют границей Тьюринга – в честь математика XX столетия, занимавшегося этой проблемой). Частное следствие теоремы Глика-Чейни гласит, что кибернетическое устройство с высоким интеллектом не способно к убийству и уничтожению. Это не позволяет поднять интеллект боевого робота выше границы Тьюринга.

²¹ ИТР – индекс технологического развития, один из параметров, по которым ФРИК оценивает инопланетные культуры.

Глава 6. Воспоминания. Пекло

Гравипланер спускался с огромного пика Шенанди, чья вершина вознеслась над атмосферным слоем, пригодным для дыхания. На этой горе, недоступной местным обитателям, возвели под силовыми куполами базу ФРИК, и там, под светом Асура и Ракшаса, журчала речка с питьевой водой и росли полдюжины сосен, розовый куст, дуб и две березы. В понятиях Пекла – просто рай! В том раю остались старшие коллеги Тревельяна – координатор группы Карел Гурченко, вулканологи Крис Аллен и Кэти Гравина, лингвист и этнограф Такеши Саи и метеоролог Жаннат Азимбаев. Присланный им в помощь юный Ивар Тревельян являлся практикантом Ксенологической Академии в ранге временного наблюдателя. Чтобы получить лицензию и стать полноправным сотрудником ФРИК, ему полагалась стажировка в одном из патронируемых миров, среди которых были места вполне приятные – скажем, Хаймор с теплым бирюзовым океаном или Сакура, где в воздухе, напоенном сладким ароматом, кружились над плодовыми рощами белые мотыльки. Но судьба Тревельяна не баловала – на жеребьевке он вытянул Пекло, мир, в котором не водились мотыльки и не зрели сладкие плоды. И с океаном тут было напряженно – вместо него плескались десятки небольших морей, соединенных множеством проливов.

Планер мчался уже над предгорьями, и Ивар, сбросив маску, вдыхал запахи нагретых камней, серы и песка, что приносили ветры пустыни. Позади возвышался окутанный дождевыми тучами и облаками пепла горный хребет, впереди лежала бесконечная бурая равнина, а между равниной и подножиями гор, там, где с утесов текли редкие водные потоки, протянулась цепочка оазисов. Хребет перегораживал Хираньякашипу, центральный материк, от западных проливов до восточных, и за ним, в северных засушливых степях, кочевали длиннорукие варвары-каннибалы. Точных сведений о тех краях не имелось – поговаривали, что там появился великий вождь Серый Трубач, Брат Двух Солнц, объединивший племена кочевников. Дальний юг был заселен какими-то дикарями, тоже еще неизвестными посланцам Фонда, а экваториальная область, температура в которой достигала пятидесяти-шестидесяти градусов, оставалась необитаемой и безжизненной. Там, под жаркими лучами Асура и Ракшаса, клубился над морями пар, ветер вздымал его ввысь, сбивал в тяжелые плотные тучи и нес их на север, к Поднебесному Хребту. Водяные пары смешивались с вулканическим пеплом и пылью, охлаждались у горных склонов, покрытых вечным льдом, и проливались дождями. Дожди питали хоссы, временные реки и ручьи, дарившие жизнь оазисам. Оазисы шли длинной чередой вдоль рубежа пустыни, и этот пояс в десять тысяч километров являлся самым плодородным, самым приспособленным к жизни на всей планете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.